

ТАЙНА ЭЛИЗАБЕТ

Михаил Радуга

Михаил Радуга
Тайна Элизабет

«Издательские решения»

Радуга М.

Тайна Элизабет / М. Радуга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-595792-4

Пережив кровавый рейд мутантов, сельский мальчишка Томас Юрг волею судьбы оказывается в легендарном Парфагоне. В запретной столице королевства жизнь крутится вокруг таинственной практики во сне. Она наделяет вечной молодостью и способностью менять внешность. Дабы отомстить мутантам и отыскать сестру, Томас мечтает стать рыцарем. На его пути возникают множество препятствий и загадок, главная из которых заперта в одной из башен королевского замка.

ISBN 978-5-00-595792-4

© Радуга М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Трагедия под Салепом	6
Глава 2. Законы спящей столицы	19
Глава 3. Награда Черного рыцаря	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тайна Элизабет

Михаил Радуга

Иллюстратор Андрей Гудков

© Михаил Радуга, 2023

© Андрей Гудков, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0059-5792-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Трагедия под Салепом

Отряд рыцарей томился на поросших мхом бревнах вокруг потрескивающего костра. Из глубин ночного леса то и дело доносились крики да зловещее уханье. Понурые воины молча наслаждались ароматом кабана на вертеле. Лишь раненые, ворочаясь чуть поодаль, иногда тихо кряхтели. Беспокойные языки пламени освещали большую голову Нильса Дора с широкими скулами и внушительным носом из-под русых локонов. На вид ему было чуть больше тридцати.

Рыцарь уже давно служил королю, однако, несмотря на удивительную живучесть, продвижения по службе давались с трудом. Со стороны сердца на стальном панцире красовался бронзовый жетон с гербом Парфагона. Этот похожий на срез яблока знак отличия, на котором пересекались два кольца, выдавал центурионов.

– Ладно тебе, – бормотал рядом Ричард Фейн, длинноволосый блондин с благородными вытянутыми чертами лица и светло-голубыми глазами. – Пожалей девчонку.

– И ты туда же.

– Умница ведь.

– Такими глазами смотрела... Чуть не поддался. Представляешь? – разгребая угли мечом, сокрушался Нильс. – Вспомнить больно.

– Ждет, поди, все равно. Зайдешь к ней?
– Ну-ну. Вот так и засасывает нашего брата в эту трясины.
Кто-то простонал под синей накидкой чуть в стороне и снова затих.
– Ну, – кивнул Ричард, – Обещал объяснить.
Центурион сморщился и почесал затылок:
– Эх, думаешь, мне это надо? Эта рыжая бестия уже доконала.
– Ведьма на старости лет игрушку захотела?
– Не говори.
– Ха, вон оно что!
– На порог боюсь ступить.
– А другие варианты? Жениться и своих завести?
– Ричард, иди-ка погуляй со своими вариантами.
– От него даже эти твари отказались.
– Но он хорош.
– Ты серьезно, Нильс?
– Память отшибло? Даже у меня не всегда кишок хватает лицом к лицу...
– М-да.
– Вот и подумал, что если уж кого выкрасть для нее, то именно его.
– Да кто его пустит в Парфагон?
– Я все понимаю, Ричард.
– Непохоже, – улыбнулся белокурый воин. – Ты, как твой давний дружок, спятил совсем.
Нильс сплюнул и взглянул в сторону синей накидки:
– У толстяка внезапно объявилась дочь, так?
– Ну? Решили сыграть на этом? – Ричард ткнул друга в плечо. – С Альбертом себя не сравнивай, дурень! Кто хоть ее мать, кстати?
– Говорят, одна из фавориток. Умерла. Сама, наверное, дитя еще была. Ты его знаешь...
– И после всего этого у нее титул?
– А как ему быть? Но нам это на руку.
– Ну, брат, ты авантюрист!
Набив живот и затем едва не надорвав его из-за пошлых баек товарищей, разморенный Нильс дал команду идти на боковую. Проверив караульных, он рухнул рядом с синей накидкой и вскоре захрапел.

Накануне утром сизый голубь приземлился на плетеную изгородь у деревянного домика с соломенной крышей и деловито приступил к чистке перышек. Посреди ухоженного двора жевала сено гнедая лошадь, запряженная в телегу. Возле нее носились двое босоногих ребятишек в мешковатых туниках и суетился невысокий мужчина в потертой кожаной куртке. Однако пролетевшая рядом стрела заставила птицу взметнуться обратно к небу.

– Мазила, мазила! – завизжала круглолицая девочка, пытаясь догнать голубя под задорный лай черного щенка.

– Томас, – похлопал мальчугана по плечу мужчина с простоватым и округлым лицом. – Опять выдохнул раньше времени, да?

– Погоди...

Юный охотник изо всех сил натянул тетиву самодельного лука, но и вторая стрела не угналась за дичью. Томас был на два года старше трехлетней сестры. У обоих были длинные каштановые волосы и зеленовато-карие глаза. Но если мальчик казался спокойным, выделяясь кротким взором и слегка вздернутой верхней губой, то Ирэн с самого рассвета не сидела

на месте. Ее живые глазенки умудрялись без усталости находить приключения, во время которых задорно шевелился носик с едва заметной горбинкой.

Глава семейства загружал в телегу добычу: корзину сушеной рыбы, связки лисьих и заячьих шкур, а также тушу молодого оленя. Он готовился к привычной поездке в Салеп. Там, отдав дань Парфагону, он надеялся удачно продать или обменять свою добычу.

– Мать будет к обеду, – усаживаясь в телегу, напомнил охотник. – Томас!

– Да, пап?

– Остаешься за главного. А ты...

– Папулечка, обещаю: не буду обижать блафика! – вскрикнула Ирэн, поймав щенка. Виляя коротким хвостом, он вылизывал ее широкую улыбку.

– Не верь ей, пап.

– Смотри за ней в оба, – охотник взглянул на сына и потрепал его по лохматой голове.

– Ну, ладно, – вздохнул Томас. Сестренка тем временем уже пыталась отобрать лук, с рыком вцепившись зубами ему в плечо.

Раздался щелчок, и скрипучая телега тронулась с места. Дети, спотыкаясь и дурачась, радостными воплями проводили отца через их небольшое селение. На пути обратно к дому они встретили соседку. Ткачиха, одетая в бежевое платье с красным подолом, то и дело вытирала покрасневшие глаза и поправляла платок на голове.

– Тетушка, вы плачете? – взволнованно окликнула ее Ирэн. – Что случилось?

– Кто обидел? – нахмурился Томас.

Однако женщина рассмеялась, а затем принялась назойливо тискать отпрысков охотника:

– Не волнуйтесь, мои сладкие, – всхлипнула она. – У нас праздник.

– Да что вы говорите! – выпучила глазенки девочка.

– У короля родилась дочь, и теперь у нас есть принцесса. Говорят, красивая, словно ангел!

– Плинцесса? Ого!

– Сообщите всем, мои хорошие.

Несмотря на добрую весть, Томас только насупился, угрюмо провожая взглядом соседку. И его ожидания оправдались.

– Невеста, невеста! – завизжала Ирэн, прыгая на месте и размахивая во все стороны руками. – Мы нашли тебе невесту!

– Ой, отстань.

– Жених, жених!

– Да если все такие же, как ты, больно мне надо.

– Ну и дурак! Это ж настоящая плинцесса.

Хотя дорога прошла в горячих спорах, вернувшись во двор, брат и сестра принялись развлекаться: играть с пузатым щенком, дразнить хрюкавших поросят, возиться с самодельными куклами и стрелять из лука по кухонной утвари на изгороди. Однако вскоре им все это наскучило, и они решили искупаться, а заодно и проведать мать. Добираясь до источника, они в веселых спорах незаметно преодолели два небольших перелеска и разделявшее их поле с подсолнухами.

Перед босыми малышами предстал залитый солнцем болотистый луг, на краю которого негромко бурлил каменистый ключ. У водоема несколько селянок усердно полоскали белье. Жена охотника была полноватой молодой женщиной с мягким взглядом и чуть вздернутой верхней губой. Именно ее каштановые волосы и зеленовато-карие глаза отражались в отпрысках. На ней было подпоясанное льняное платье и чепчик. Услышав о принцессе, женщина залилась смехом.

– Это ж надо, как ты все ловко придумала! – удивлялась она. – Однако невесту нам придется поискать в другом месте.

– Почему? – вырвалось у Томаса.

- Ага, попался! – взвизгнула Ирэн и столкнула его в воду.
- Мы селяне, – объясняла женщина, пока дети брызгались на мели. – А они живут по другим правилам. Они... Они другие.
- Так это правду о них говорят?
- Вырастешь – сам все поймешь.
- Мам, а плавда, у них там балы? – спросила Ирэн, неуклюже кружась по колено в воде.
- И везде ходят рыцари? – добавил Томас.
- Ого! Плавда?
- Нам туда все равно нельзя. Поверьте: здесь нисколько не хуже столицы.

Вдруг женщины заохали, подняв взор к небу. За верхушками деревьев вырос черный столб дыма. Похожий на огромный ядовитый гриб, он устремился к облакам из глубин леса. Строгим голосом мать наказала отправляться домой, а сама поспешила постирывать белье, перешептываясь с соседками.

Когда Томас и Ирэн оказались на поле с подсолнухами, им наперерез спешили испуганные люди. Много людей. И старики, и взрослые, и дети. Кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то держал в руках сундуки и свертки. Одна рыдающая женщина несла обмякшее тело младенца. Одежда у многих была порвана, иногда с бордовыми пятнами.

Потеряв дар речи, дети долго наблюдали за этим шествием. Наконец Томас очнулся и, схватив Ирэн за руку, побежал через истоптанное поле к лесу. Никто даже не обратил на них внимания, хотя девочка стала спотыкаться и падать буквально на ровном месте. Толстенные ножки почему-то едва слушались ее, постоянно заплетаясь.

Когда они выбежали из сырого леса и добрались до калитки, Томас решил спрятать дрожащую Ирэн в стоге сена на краю огорода. А сам побежал дальше – к дому.

- И куда? – окликнула его сестра.
- Не высовывайся! Поняла?
- Мне же стлашно, – заплакала девочка и скрылась в сене.
- Я скоро!
- Плавда-плавда?

Оказавшись на крыльце и найдя свой лук, Томас ринулся обратно к источнику, чтобы предупредить мать. Пересекая поле, он снова наткнулся на беглецов, хотя и в меньшем количестве. А когда добрался до болотистого луга, его ждало разочарование: женщины исчезли. Опрокинутые корзины с бельем были разбросаны у водоема, и часть одежды медленно уплывала по течению. Меж тем, на горизонте уже выросла черная стена дыма.

- Мама! – крикнул Томас, сложив ладони у рта. – Мама! Ты где?!

Ему ничего не оставалось, как отправиться обратно. На злосчастном поле он заметил, что людей стало совсем мало. В основном это были немощные старики и калеки, которые хромали и падали. Некоторые, выбиваясь из сил, тащили наспех набитые мешки и тюки. Тут и сам Томас впервые остановился перевести дыхание.

- Вернувшись на огород, он сразу же проверил стог, однако там никого не было.
- Ирэн! Мама! – закричал он, растерянно оглядываясь по сторонам. – Где вы?!

В доме Томас тоже никого не обнаружил и потому снова вышел на проселочную дорогу, выкрикивая их имена. Но никто не отзывался. Он забежал на ближайший двор и затем к ткачихе, однако и там никого не обнаружил. Поняв, что остался совершенно один, он направился в сторону Салепа. И хотя дорога вела к загадочной опасности, он надеялся встретить отца.

Запыхавшись, он бежал по ухабистой лесной дороге в сторону зловещего черного дыма. Теперь и он то и дело спотыкался, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Его окликнула идущая навстречу растрепанная старушка с соседней улицы:

– Ты куда? Стой же!

– Не видели папу? – увернулся от ее рук Томас.

– Беги обратно! Где мать?

Но Томас уже мчался вперед – грязный и измученный, – не чувствуя ни времени, ни ног. В какой-то момент он снова споткнулся и плюхнулся в холодную лужу, выронив лук и распугав пузатых головастика. Не в силах встать, он лишь немного приподнялся на коленях и снова упал, хлебнув мутной жижи. В этот момент чьи-то сильные руки схватили его и закинули на плечо. Знакомый солоноватый запах мгновенно успокоил селянина, и он вскоре провалился в тягучую темноту.

– Блатишка... Блатишка... – услышал Томас, будто издалека.

На веки давила темнота, а воздух освежал холодной сыростью. Приправленная земельным запахом, она обволакивала тело с головы до ног. Теплые мамины руки гладили его по волосам, пока голова покоилась на ее уютных коленях. Где-то рядом бормотала Ирэн, а взрослые шептались:

– Не буду описывать, что видел, – звучал голос отца. – Но это мутанты. Снова Арогдор.

Об Арогдоре Томас знал хорошо, ведь местная детвора постоянно пугала друг друга страшилками о нем. Зловещий город прятался на вершине вулкана, который в ясную погоду можно было рассмотреть на севере. А поскольку оттуда всегда шел дым, Томас считал, что там живут монстры, вроде огромных огненных пауков. С этим всегда спорила Ирэн, убеждая брата, что обитатели вулкана «почти обычные люди». То есть обычные, но только без голов. И если туда попасть, то придется тоже жить без головы, что, по словам девочки, создавало чуточку неудобств.

– А как же король? – возмутилась ткачиха. – Где рыцари?

– Не видел. Только сборщики дани.

– Как обдирать нас, так они не забывают!

– Похоже, что-то случилось, – заключил знакомый мужской голос. – Опять им жрать нечего?

– Эх, а ведь когда-то за мной ухаживал один такой... – мечтательно протянула пожилая женщина.

– Сборщик? – уточнил все тот же мужской голос. – Хотя ты и была видной бабой, но для них ты все равно страшна, как кобыла заразная.

– Кобыла, значит?

– А нечего придумывать!

– Что же нам делать? – перебила мать Томаса.

– Бежать. Либо ждать рыцарей, – объяснял ее муж. – Но куда бежать? Мы уже отрезаны от Парфагона, если они в Салепе.

– Остается ждать? Здесь?

Приподнявшись, Томас обнял мать и огляделся. В тусклом свете свечи было видно, что селяне ютились в незнакомом погребе. Повсюду виднелись горки сморщенных овощей и глиняные кувшины. Отцовская куртка была накинута на плечи матери и немного прикрывала маленькую сестренку.

– Блатишка! – обрадовалась Ирэн.

– Как ты? – забеспокоилась мать, но ее тут же успокоил отец:

– С ним все хорошо. Перенапрягся.

– Так что? – сокрушался старый плотник с проплешиной на голове, одетый в измазанную рубаху и черные штаны. Томас не сразу узнал его голос.

Отец опустил голову и задумался. Только сейчас мальчик увидел кровавые пятна на его рубахе и ссадины на руках.

– У нас, конечно, есть кое-что, – кивнул он на арбалет и топор посреди погребка. – Но...

– Могу еще что-нибудь найти, – предложил плотник.

– Нет. В этом нет смысла! – повысил голос охотник. – Мы можем только спрятаться.

– Сколько у нас времени?

– Не знаю. Полагаю, до вечера разграбят Салеп и все поселения между нами.

– Может, лучше бежать? – едва не плакала ткачиха.

– Куда? Парфагон отрезан, а до башен день пути.

Посоветовавшись, взрослые решили остаться в этом же погребе, поскольку он находился в единственном кирпичном строении. Его хозяин, кузнец Макс Ланк, судя по всему, бежал в неизвестном направлении. Другие укрытия выбирать не стоило: армия генерала Айвора Джавера, главного арогдорского полководца, нередко оставляла после себя лишь выжженное поле. Этот двухэтажный дом они тоже вряд ли пощадят, но оставался шанс, что в погребе селяне выживут. Кроме того, подвальный душок мог защитить от чуткого нюха мутантов.

Пока оставалось время, следовало избавиться от всего, что представляло интерес для арогдорцев. Поэтому мужчины вылезли из погребка и отправились поджигать окрестные дома, опережая непрощенных гостей. Каждый раз они выпускали из загонов скот и птицу – в надежде, что хоть кто-нибудь уцелеет.

Женщины тем временем занялись поиском пищи и свечей, а также одежды и одеял, чтобы не околеть в холодном подземелье. В итоге, они с большими тюками вернулись в дом кузнеца, когда тусклое солнце уже садилось. Огненное зарево освещало квадратный стол по центру кухни, кирпичную печь с толстой трубой и добротные шкафы с кухонной утварью. Подойдя к погребу у стола и заглянув вниз, они не увидели ни Томаса, ни Ирэн. Не нашли их и в доме. Выбежав на улицу, ткачиха хотела окликнуть детей, но незаметно подкрался плотник, зажал ей рот и повалил на землю. Вместе с охотником они потащили ее в дом, где точно так же поступили со второй женщиной. Та пыталась кричать и вырывалась, но крепкие руки мужа унесли ее в сторону погребка.

Затащив рыдающих женщин вниз, мужчины туда же бросили их мешки и быстро сообщили, что обоих отпрысков нет на месте.

– Ну, вот в кого она такая? – процедил охотник. Затем он шепнул старому соседу: – Будь с ними. Я быстро.

– Сам не попадись!

Мужчина, где ползком, где на корточках, бесшумно покинул дом и обошел округу. Однако он был вынужден вскоре вернуться в погреб, когда мутанты замелькали в соседних дворах. Он постучал в дверцу и живо ввалился вниз, как только ее открыли. Его жена крепко прижалась к нему и еще сильнее зарыдала.

Незадолго до этих событий Томас, отдыхая в полудреме, заметил, что Ирэн отошла от него. Сначала он не придавал этому значения, но вскоре полная тишина его озадачила. Открыв глаза, он обнаружил, что находится в погребе совершенно один, и потому тут же выбрался наружу. Сестренка уже целую неделю не отходила от своего щенка, и поэтому Томас хорошо знал, где ее искать.

Он догнал Ирэн у калитки их двора, где она с раскрытым ртом наблюдала за трещащим в ярком пламени доме.

– Песик!

– Кто разрешил уйти?

– Мне нужен Пузанчик!

– Он убежал, или его забрали соседи. Пойдем обратно!

– Плавда?

– С ним все хорошо.

– А кукла?

Деревянная игрушка в платье из мешковины одиноко ожидала своей участи на крыльце, к которому подбирался огонь.

– За мной, быстро! – скомандовал Томас, схватив Ирэн за руку, но та упрямо стояла на своем:

– Кукла! Ей больно!

– Сестричка, любимая, я тебе потом другую сделаю. Пойдем!

Но девочка напрочь отказывалась идти, с пронзительным визгом цепляясь за изгородь. Тогда Томас понял, что у него есть только один выход.

Хотя пламя уже охватывало крыльцо, мальчик подбежал к кукле и, подцепив ее за ногу, вытащил из пекла, слегка подпалив свои длинные локоны. Затем он вместе с Ирэн поспешил к кирпичному дому.

Вдруг Томас заметил за полыхающими постройками странное движение на опушке леса. Недолго думая, он толкнул сестру на заросшую обочину и упал рядом. Сквозь заросли они увидели странное зрелище.

Мутант выехал из густого леса верхом на мощном коне и остановился, тщательно внюхиваясь в воздух. Во всполохах пламени хорошо просматривались его пугающие габариты. Он был едва не в полтора раза выше обычного человека, а его загорелая курносая рожа хоть и сохраняла человеческие черты, но больше походила на звериную морду. Такое впечатление создавали выпадавшая вперед нижняя челюсть, массивные надбровные дуги и желтоватые клыки, торчащие над верхней губой. Огромное мускулистое тело с широченной грудной клеткой оказалось покрыто наростами в виде темных щитков поверх каждой из мышц. При этом кожу между щитками покрывал короткий и такой же темный мех. Но больше всего детей поразили две пары рук и длинные дреды на голове.

Из одежды на мутанте были лишь помятые кожаные сапоги и штаны, а также скрещенные на груди ремни, которые поддерживали за спиной ножны для меча и колчан для стрел. Массивный ремень держал ножны с двумя кинжалами, а на седле висели увесистый дубовый лук, чехлы и пухлые мешочки. Двумя нижними руками воин опирался на деревянную перекладину впереди себя, а верхние руки сжимали сверкающий топор и слегка изогнутый меч с широким клинком.

Оглядевшись, ародорец подошел ближе к полыхающим домам. И тут Томас и Ирэн увидели, что он сидел вовсе не на коне.

С одной стороны, у этого существа взгляд был какой-то свой, человеческий, может быть, даже добрый. С другой стороны, он был похож на нечто среднее между буйволом и конем, только массивнее за счет груды сухих мышц. Лоснящуюся кожу диковинного создания местами покрывали темные вьющиеся пряди, особенно на груди и животе. Он был голым, если не считать седла с прожженными красными накладками, свисавшими с боков и сзади. Его скулы играли на широкой челюсти, а с загорелой круглой хари, сморщенной от дыма, свисали две длинные косы. При этом его рукоподобные копыта смотрелись немного странно, ведь это был челоконь.

– Говорила тебе: это не пауки!

– Молчи ты, – фыркнул Томас и на карачках потащил ее в укрытие.

Оказавшись в доме кузнеца, они подползли к дверце погреба на кухне и тихо постучали. Дверца тут же растворилась, и две пары мужских рук мгновенно затащили беглецов внутрь, откуда слышались глухие подзатыльники и хныкание.

Арогдорцы осторожно заходили в опустевшее поселение с разных сторон. Один из них заметно выделялся габаритами и толстыми черными дредами.

Пройдя вдоль улиц с горящими домами и собравшись на перекрестке, мутанты салютовали друг другу, вскинув верхние левые руки:

– Виват, Арогдор!

– Виват, Эйзенберг!

– Кто здесь работал? – прогремел перекастистым басом огромный главарь, оглянувшись на грохот обрушенного дома.

– Че не ясно-то? – прошипел старший мутант, которого отличали красные повязки на плечах верхних рук. – Похоже, местные.

– Уверен?

– Амбары полные горят, скот на улице и...

– Понятно. Ищи другое место.

– Вот еще! Мы тут нашли кое-что.

Мутанты подошли к кирпичному дому, куда подоспевшая телега тыловой службы подвезла провиант и гостей. Поскольку кровати были слишком малы, арогдорцу с черными дредами постелили перину прямо на полу спальни кузнеца, выбросив в окно лишнее.

Вскоре все было готово к ужину. На кухонный стол поставили масляную лампу и огромные миски. В основном это были жареные поросята и куры, а также душистые лепешки и перловая каша с зеленым луком. В помещение вошли два воина. Их сопровождали, стуча каблуками, хихикающие подружки – блондинка и смуглая брюнетка. Вытянутые девушки, чьи формы так и выпирали из цветастых платьев, были вполне обычные и даже не напоминали мутантов. Их лица казались удивительно похожими за счет острых подбородков, налитых губ и крошечных носиков.

Молча усевшись друг напротив друга, четырехрукие воины откинули дреды за спину и, громко причмокивая, набросились на миски. Прямо под столом за этим пиршеством наблюдали окаменевшие селяне. Они не только слышали звериное чавканье и хруст косточек, но и могли разглядеть все сквозь щели в полу, который прогнулся и постанывал.

Едва дыша, Томас отвел зареванные глаза с незваных гостей и стал разглядывать погреб, освещенный тусклыми полосами света. Отец сосредоточенно вглядывался то в одну, то в другую прорезь наверху. Хотя его лицо было напряжено, на нем не было страха, в отличие от дрожащего плотника, который едва держал топор и тоже смотрел вверх, практически не моргая. Ткачиха, сжавшись в комок и закрыв руками рот, спряталась в углу. Мама и Ирэн лежали на одеяле почти по центру, спрятав головы под большую подушку.

– Что же за вонь? – оживилась блондинка, вызвав пристальный взгляд смуглянки напротив.

– Где? – прорычал мутант с черными дредами, шумно обнюхивая кухню. – Неженка. Парфагонская, что ли?

– Терпеть не могу этот деревенский смрад, – не сдавалась блондинка.

– Ну, извиняйте, дворцов вам тут не нашли, – прошипел старший воин с красными повязками. – Это всего лишь погреб.

– Мерзость! – не успокаивалась арогдорка.

– Там что-то еще... – внюхивался главарь, отчего женщины под полом еще больше сжались, а мужчины переглянулись. Плотник поднял топор, а охотник медленно направил на дверцу взведенный арбалет. Тем временем, дожидывая жилы, монстры неспешно поднялись со стульев и обступили узкий лаз. Правая верхняя рука главаря сжала за спиной рукоять

и со скрежетом потянула меч из ножен. Старший воин верхними руками взял с пояса кинжалы и наклонился к дверце.

– Посмотрим, что там у нас, – закричал он, потянув ручку.

Томас прижался к матери и уткнулся лицом в ее бок, а его отец начал прицеливаться в проем. Плотник же вдруг положил топор на земляной пол, и слезы покатались по его обрюзгшим щекам.

Наконец послышался скрип, и тяжелая дверца начала подниматься, заливая погреб желтым светом.

– Стойте! – вскочила брюнетка.

– Что? – оглянулся главарь.

– Не выпускайте этот ужасный запах.

– Хм.

– А ведь она права, – с горечью согласилась блондинка. – Как потом есть? Мозгов у вас, конечно, не много.

– Ух, бабы! То вам одно, то другое... – пробурчал мутант, вставляя меч в ножны и возвращаясь к стулу. Старший воин тоже покачал головой, опустил злосчастную дверцу, и селяне медленно выдохнули.

Немногословная компания вновь приступила к пиру. Вскоре, сквозь чавканье и звон посуды, послышалось тихое постукивание со стороны смуглянки, отчего отец Томаса снова переглянулся с плотником. Его озадаченный сын поднял взор наверх. Казалось, на лице брюнетки можно было рассмотреть едва заметную улыбку.

Набив брюхо, мутанты то ли позабыли о погребке, то ли не хотели о нем вспоминать. Поэтому селяне с облегчением слышали, как аргдорцы, еле передвигая ноги, стали расходиться по комнатам. Немного пошептавшись, последними вышли женщины, когда Ирэн вместе с куклой уже давно посапывала под подушкой. Томас теперь тоже быстро проваливался в сон. Лишь его отец продолжал ко всему прислушиваться.

Утром селяне проснулись от сотрясающих дом шагов, когда на кухне объявился главарь с помощником:

– Где жратва?

– Съели.

– Что?! – прогремел бас, и послышался скрежет ножен.

– Они ж нас чуть не сцапали опять. Обоз попал в засаду.

– И?

– А остатки сперли, – сдавленно прошипел старший воин, горло которого уже щекотало холодное лезвие. – Я тут причем? Все жрать хотят.

– Так поймай пару баранов, ленивая свинья! В вонючем погребе посмотри. У тебя полчаса. Усек?

– Ладно...

– А может, не надо? – услышали побелевшие селяне голос брюнетки. – Я совсем не голодна.

– Молчи, женщина.

– К чему спешка? Успеем поесть в дороге.

– Не слушать ее. Выполнять приказ!

Промерзшие дети прижались к дрожащей матери, которая осторожно отвела их в дальний угол, к ткачихе. Когда мужчины подняли свои орудия, женщины метали взгляды то на охотника, то на плотника.

Сначала селяне слышали, как из кухни все вышли и воцарилась тишина – призрачная надежда на спасение. Но уже через минуту эти тщетные ожидания растворились: послышались тяжелые шаги двух монстров. Наконец они остановились возле дверцы, выругались и с лязгом распахнули ее.

Опущенный вниз светильник озарил погреб, выдавая всех его жильцов с искривленными лицами. Стрела из арбалета со свистом вонзилась в массивный лоб арогдорца с красными повязками, а топор плотника засел в его грудном наросте. Издав дикий вопль, но не сделав и шагу назад, гигант смело спустился вниз, уже держа в верхних руках кинжалы. За ним следом кинулся сообщник, отчего воздух смешался с вонью псины. Мужчинам ничего не оставалось, как с криками броситься на чужаков. Однако длинные руки мутантов молниеносно расправились с безумцами, несмотря на визжащих детей и женщин, обнявшихся в углу.

Рычащий арогдорец со стрелой во лбу, согнувшись почти по пояс, чтобы поместиться в подземелье, снова и снова кромсал бездыханные тела, пока они не превратились в кровавую массу. Весь погреб оказался забрызган теплой жижой и склизкими ошметками. Женщины тем временем продолжали визжать, прижимая к себе плачущих детей и прикрывая им глаза.

На шум сбежались другие мутанты, включая главаря и его подруг. Обступив вход в погреб, они изучали представшую их глазам картину.

– Убить баб! – прогремела новая команда, отчего Томас изо всех сил вцепился в мать.

– Да сколько можно?! Прекратите! – выскочила вперед полуголая смуглянка. Она тут же получила пинок в живот и свалилась под стол, откуда послышались причитания и стоны.

Раненый старший воин и его сообщник молча отдернули от матерей скулящих детей. Затем они схватили женщин, тянувших руки к малышам, и с безразличным взглядом вонзили в них лезвия по самые рукояти.

Вскоре стало тихо и спокойно. Лишь охрипшее мычание отпрысков охотника нарушало безмятежность сельского утра.

Но на этом главарь арогдорцев не успокоился.

Все мутанты замерли, когда он вытащил из ножен широкий меч и спустился в окровавленный погреб. Согнувшись, он подошел к окаменевшему старшему воину и с хрустом вонзил клинок ему под нижнюю челюсть, прибив череп к потолку. Выпучив глаза, обмякший мутант выронил светильник и повис на крестовине меча, утопающей в густой крови.

– Ничему жизнь не учит, – процедил главарь. – Недоносков в обозы, и уходим.

Как только арогдорец вместе со своей свитой покинул обугленные останки села, к кирпичному дому подоспели гремящие телеги из ресурсного обоза. Большая часть повозок, запряженных костлявыми кобылами, еле двигалась от награбленного богатства: мешков с продуктами и домашней утварью. Одна из телег, похожая на клетку из толстых прутьев, была набита детьми. Они были в грязных и оборванных туниках. Частью израненные и избитые, малыши беспрерывно плакали и стонали, зовя своих матерей и кланча хлеб.

Молодой худощавый мутант, от которого разило смесью пота и кислоты, подвел расстрепанных Томаса и Ирэн к клетке. Он хотел было засунуть их внутрь, но воин с рыжими дредами и такой же густой бородой остановил его:

– Дебил?

– Что опять?

– С девкой все понятно, – пробубнил мутант, переводя красные глаза на Томаса, – а вот губошлепа я не возьму. Не видишь переростка?

– Мне приказали – я выполняю.

– Да? Ну, вот новый приказ: режь ему глотку.

Поскольку молодой воин впал в ступор, его старший товарищ сам выхватил визжащую Ирэн и закинул ее в телегу. После этого, под истошный лай черного щенка, обоз сразу же дви-

нулся в сторону леса. Ревущая девочка лишь высунула из клетки пухленькие ручонки и потянула их в сторону брата, пока его за волосы держал арогдорец, неуверенно оголяя кинжал.

В отличие от других мутантов, у палача Томаса нижние руки были несколько недоразвиты, худы и коротки, словно еще не успели до конца отрасти. Оглядываясь по сторонам, он будто боялся даже взглянуть на чумазого селянина.

Когда телега с Ирэн окончательно скрылась из виду, Томаса неожиданно накрыл распиривший его изнутри жар. Страх совершенно пропал, и откуда-то появилась невиданная ранее сила, бурлящий прилив которой можно было по-настоящему почувствовать. И если эту мощь не использовать немедленно, то можно было разорваться на части.

Резко дернувшись, ценой клокка каштановых волос, Томас ловко нырнул между ног опешившего мутанта. Пока воин разворачивался, мальчуган уже скрылся за обугленным домом, а несколько арогдорцев с проклятиями кинулись за ним. В отличие от чужаков, сын охотника хорошо знал родное селение, где мог ориентироваться хоть с закрытыми глазами. Юрко перебегая от одного пожарища к другому, он почти добрался до спасительного леса. Но, пробегая последний огород у опушки, он вдруг почувствовал удар в бедро.

Свалившись в грядку с молодой свеклой, Томас увидел, как необычно толстая и длинная стрела пробила его левую ногу и застряла в ней. Туника начала пропитываться кровью, а тошнотворная боль не давала не только встать, но и пошевелиться. Селянина быстро окружили ухмыляющиеся мутанты, которые вытолкнули вперед своего неопытного товарища:

– Этот сосунок похрабрее тебя будет!

– Посмотри на его ручищи! Тебе бы такие, а?

– Они толще твоих в два раза!

– Пошли вон, крысы! – огрызнулся палач, замахиваясь громадным топором. Однако маленький селянин бросил ему в глаз камень и под истерический смех арогдорцев кинулся кусать его за ноги. Хотя молодой воин легко увернулся от молочных зубов, он тут же рухнул на грядку.

Умолкшие мутанты, да и сам Томас, замерли, пытаясь понять, откуда взялась стрела в затылке поверженного воина. Тут же послышался свист других стрел и их гулкие удары в плоть и броню. Еще два мутанта пали замертво, а один с жалобным криком схватился за пробитое плечо. Затем послышались ругательства, сотрясающий землю топот и тяжелое бряцание. В лесу засверкали доспехи, и на огромной скорости оттуда вырвался небольшой отряд рыцарей.

До этого момента Томас видел этих парфагонцев только на старых рисунках и в своем воображении. Он обожал слушать истории и легенды о них и часто сражался на деревянных мечах с соседскими ребятами, воображая себя рыцарем.

В отличие от мутантов, воины Королевской рыцарской армии перемещались на обычных конях, пусть и самых могучих пород. От обычных людей их отличали только мощь и рост. И хотя каждый из них был на две головы выше среднего мужчины, они все же заметно уступали четырехруким мутантам. Под синими накидками их торсы были облачены в плотные рубахи, поверх которых красовался фигурный панцирь с кольчужными рукавами, воротником и короткой юбкой. Голову они защищали округлым шлемом с овальными прорезями для глаз, переходившими в проем для носа и рта. Они носили штаны из плотной ткани и начищенные до блеска кожаные сапоги выше колен. Кроме того, у них имелись выгнутые прямоугольные щиты, которые вместе с копьями висели на сбруе. Из орудий каждый также имел меч с синей рукоятью, кинжал и громоздкий арбалет, способный пробить каменные черепа неприятеля.

На глазах у Томаса завязался молниеносный бой: рыцари с разгона вонзили копья и мечи в разбегающихся мутантов. Хотя кто-то из арогдорцев отчаянно сопротивлялся, королевским воинам удалось раскромсать пойманного врасплох противника. Затем, едва не раздавив мальчугана, разгоряченные рыцари рванули вглубь тлеющего селения.

Нильсу показалось, что он едва сомкнул глаза, но в сумерках уже зашевелились товарищи. Осознав, что поймал момент пробуждения, он с закрытыми глазами представил себя дома. Прорисовав в воображении дверной проем в спальне, рыцарь старательно представлял, что он опустился вниз и трогает ворсистый ковер, буквально протирая его ладонями и внимательно разглядывая витиеватый узор.

– Раз, – вскоре сказал Нильс в уме.

Затем он принялся водить рукой по шершавой стене, в упор разглядывая ее текстуру.

– Два.

Воин переключил внимание на дверную ручку, холодную и блестящую, а также на дубовую дверь. Пытаясь все это ощутить по-настоящему, он ощупывал и разглядывал детали и трещины.

– Три.

Не получив результат, он продолжил привычный путь от кровати до улицы. Следующей точкой была лестница, ведущая вниз на первый этаж. В этом месте он точно также стремился осуществить ровно три действия, обязательно считая их. Сначала он припал к полу, а затем к ступенькам и перилам, пытаясь их увидеть и нащупать словно действительно там находился. Затем он тут же переходил на следующие этапы своего пути. Однако воин продолжал лежать в лесу и даже не проваливался в сон. Он решил, что сделал ошибку. В такой обстановке, чтобы лучше усыпить организм, надо было считать хотя бы до пяти и осуществлять такие же пять действий на каждом месте. Возможно, стоило быть в целом более пассивным и расслабленным.

Упрямо добравшись до мостовой, он с радостью осознал, что песчинки просочились меж пальцев, пока его ладони растирали булыжники. На этот раз это было совершенно реальное восприятие, а вовсе не воображение! Одновременно пропало бурчание товарищей, а мокрые камни засверкали на утреннем солнце. Теперь Нильс буквально стоял на коленях у своего дома, продолжая суматошно цепляться за новое пространство, словно окончательно перетекая в него. Усмехнувшись, он вспомнил свою цель, и его ослепила яркая вспышка. Затем перед взором сошлись два переливающихся синих кольца, звонко заискрив друг от друга.

Магическое видение сияло столь реалистично, что его можно было потрогать. Но рыцарю было не до этого. Понимая, что его скоро разбудят, он взлетел и стремглав долетел до вершины обрывистой горы. Черные тучи над головой оглушительно громыхали и извергали молнии, озаряя лысые скалы внизу.

Прямо перед Нильсом, сияя изнутри, из горной плоти возвышался огромный синий меч с волнистым долом. Выдохнув, он дотянулся обеими руками до рукояти с рубином, отчего порыв ветра едва не сбил с ног, а тело загудело. Сжав зубы от боли, воин не отпускал обжигающий металл, ощущая, как тело трещит, раздаваясь вширь и вверх. В один момент кольчуга и панцирь со звоном разлетелись в стороны, а рыцарь увеличился до таких габаритов, что меч стал ему по размеру.

Вдруг зрение пропало. Нильс почувствовал свое лежащее на боку тело и сильное покалывание от макушки до пяток. Тем не менее его пальцы все еще ощущали рукоять, через которую сочилась осязаемая мощь.

– Что там опять отраживаешь? – слышался голос Ричарда следом за пинком по сапогу. – И так здоровенный, как бык!

В это время Томасу снилась бесконечная череда кошмаров, в которых то раздавались крики родителей, то за ним гнались мутанты, то плакала Ирэн. Голод и жажда все время настигали селянина, отчего он то просыпался, то моментально засыпал, так и не понимая, что с ним происходит и где он находится. А еще постоянно ныла левая нога. В какой-то момент появился

яркий свет, трели птиц и стук копыт по мощеной дороге, которые заставили его окончательно пробудиться.

С трудом открыв слипшиеся глаза, Томас обнаружил себя в седле впереди русоволосого рыцаря с крупным носом. Рядом так же спокойно цокали еще несколько коней с воинами. Они шли через поле, приближаясь к огромным деревянным воротам в уходящей за горизонт каменной стене с узкими бойницами наверху. Эта стена была выше любых деревьев, во многих местах она поросла мхом и кустами. За ней виднелись грозные башни и коричневые черепицы.

- Привет, храбрец, – подмигнул рыцарь.
- Здравствуйте! – смутился Томас.
- Что? Придется знакомиться. Я Нильс. Ты?
- Томас. Меня зовут Томас Юрг.
- Эй, соня! – раздалось сзади.

Оглянувшись, юный селянин увидел белокурого красавца с вытянутым ликом верхом на дымчатом жеребце. Рыцарь широко улыбался, держа в руке спящего щенка.

- Не твой черныш? Тоже спит все время.
- Да, дяденька, это мой.
- Можно себе возьму?
- Пузанчика? Наверно...
- Небось жёнушке опять? – буркнул Нильс, хмуро разглядывая солнечные часы размером в пол-ладони. – Раз такой заботливый, бери ее с собой следующий раз. Ребята против не будут, поверь.

В этот момент гогочущие воины прошли деревянный мост над квакающим рвом. Перед ними со скрипом отворились грузные Северные ворота, охраняемые стражами в латах.

- Да здравствует король!
- Да здравствует Парфагон! – дружно ответил измотанный отряд.

Навстречу Томасу подул теплый ветер с тысячей новых запахов и звуков. Прямо от исполнских ворот начиналась многолюдная аллея, по краям которой зеленели каштаны и возвышались аккуратные здания. В шуме голосов царила беззаботная атмосфера. То тут, то там благоухали лавки со сладостями и сновали торговцы с лотками. Дети с визгом носились, так и норовя сбить с ног, а карманные собачки скалились из рук нарядно одетых дам. Куда его взгляд ни падал, везде что-то происходило, а на лицах опрятно одетых людей сияли улыбки.

Оказавшись в таком буйстве жизни, селянин вспомнил близких. Он изо всех сил держался перед своими спасителями, которые о чем-то ожесточенно спорили со стражей ворот. Но когда его приняла на руки и обняла пахнущая персиками женщина с короткими рыжими волосами и немного заостренными ушками, он не выдержал. Его губы искривились, и сверкающие слезы прыснули на сиреневое платье веснушчатой красавицы.

- Добро пожаловать в Парфагон, малыш, – лишь смог он расслышать из ее уст.

Глава 2. Законы спящей столицы

Первый месяц Томас не выходил из дома Доров. Кроме просторного холла, двухэтажное жилище имело две спальни, кухню, а также всегда залитую солнцем столовую. Во внутреннем дворе цвел фруктовый садик, обрамленный каменным забором. Селянину выделили уютную библиотеку на втором этаже, где книги занимали два широких шкафа. Там поставили дубовую кровать на вырост, а у друзей набрали целый ящик игрушек. Новая жизнь в столице, в добротном каменном доме и пропитанной книжным запахом комнате казалась чудесным сном, в который Томас долго не мог поверить, открывая глаза по утрам.

В доме также обитала Маргарита – старшая сестра Нильса, рыжеволосая женщина с мальчишеской стрижкой и глазами, всегда грустными из-за припущенных уголков. И хотя она выглядела моложе брата, ее повадки ничем не отличались от зрелой женщины. Ее внуки уже повзрослели, а муж, известный трибун, так давно отдал жизнь за короля, что его внешность едва не стерлась из ее памяти.

Благодаря усердию Маргариты и жалованью Нильса в пять золотых монет их уютный дом блистал чистотой, а стол всегда ломился от яств. Нога Томаса быстро зажила. Теперь мальчуган был неплохо одет даже по меркам горожан. Вместо простенькой туники его наряд составляли

светлые рубахи с разноцветными пуговицами, короткие коричневые штанишки с подтяжками, гольфы и кожаные башмаки.

Увидеть Нильса было большой радостью, поскольку он утопал в армейских заботах и часто отлучался к вулкану. Иногда его навещал Ричард Фейн, и они вместе с товарищами гудели всю ночь в беседке в саду, куда как раз выходили окна библиотеки. Поутру из дома то и дело украдкой сбегали миловидные девушки, но Томас никогда не видел их снова.

Новая жизнь была настолько наполнена свежими эмоциями и благополучием, что вскоре жуткие воспоминания поблекли в памяти селянина. Более того, он стал активно набирать вес. Избыточные сон и пища, будучи главными потребностями парфагонцев, сыграли свою роль.

Однако все было не столь просто, как казалось Томасу. В Парфагон было невозможно попасть со стороны. И хотя временами делались исключения, появление чужаков в стенах столицы считалось риском. Именно поэтому Томас целый месяц находился под надзором Маргариты, которая первое время не могла отойти от него ни на минуту. Он лишь через высокую каменную кладку слышал ритм города.

Проклинаая всех на свете и себя самого, все это время Нильс и его друзья обивали пороги различных кабинетов. Однако чиновников смущали два момента: во-первых, Томас считался слишком взрослым, чтобы адаптироваться к главным основам жизни столицы, а во-вторых, полностью отсутствовали сведения о его прошлом. Поскольку его односельчане погибли, пустились в бег или были похищены мутантами, не имелось никакой гарантии, что он обычный селянин, а не агент-мутант, который пробрался для диверсий.

Только благодаря заслугам рыцаря Томаса не только разрешили усыновить, но и признали гражданином столицы. Подпись была поставлена самим Питером Калицей – канцлером Парфагона и другом короля.

– Велели передать, твоя честь отныне зависит от пацана, – улыбнулся Ричард, показывая Нильсу долгожданную бумагу. Оба приятеля стояли в повседневных рыцарских костюмах у порога Доров. Одевание включало высокие сапоги, темные широкие штаны и, поверх светлой рубахи, зауженный у талии синий камзол с вздутыми плечами. А к тугому поясу неизменно крепились меч и кинжал. – Все подписано, и он теперь парфагонец. Дружище, вот зачем нужны были эти проблемы, а?

Выдернув документ, Нильс уткнулся в желтоватую бумагу с размашистой закорючкой и печатью:

– Твою ж мать... Ну, хоть она будет рада.

– В Академии уже новые анекдоты про тебя пошли.

– Меня это не волнует. Зато старые забудут.

– Ха, все знают, что тебя волнует, – рассмеялся Ричард, заплетая белокурые волосы в толстую косу. – Жениться теперь не надумал, кстати?

– Может, еще руку себе отгрызть?

– Иногда ты верно говоришь...

Нильс дочитал указ канцлера и спрятал его за пазуху, после чего выдохнул и расплылся в улыбке:

– Главное, теперь можно жить спокойно.

– Ну, и что дальше? Кого еще приволок в наш славный город? Лучше бы пару арогдорек прихватил для меня.

– О, любимая женушка разрешила?

– Какая еще женушка?

– Как Лилечка, так сразу с памятью проблемы.

– Клевета!

Попрощавшись с приятелем и зайдя в дом, центурион поднял выбежавшего навстречу Томаса. Нерешительно потоптавшись на месте, он отнес его в округлую беседку в саду, сетчатые стенки которой заросли вьюном, создавая прохладную тень.

– Так. У меня разговор, – начал рыцарь, присев на лавочку и посадив мальчугана на колено.

– О чем, дядя Нильс?

– С этого дня... Нам разрешили тебя оставить, и все будут считать тебя моим сыном. Ты не против?

– Нет, – ответил Томас, глаза которого почти мгновенно намокли и покраснели.

– В общем, я и сестра никогда не заменим тебе родителей, но сделаем для тебя все. Понимаешь?

– Угу.

– Но у меня есть одна важная просьба, и мне хотелось бы донести ее до тебя. Слушаешь внимательно?

– Слушаю очень и очень внимательно!

– Мне вообще от тебя ничего не нужно, если честно. Но...

– Что, дядя Нильс?

– Я заплатил своим именем за твою жизнь в Парфагоне. А сколько проблем решил? Не подведи, а?

Уже на следующий день сияющая Маргарита отвела Томаса в наполненную детскими криками школу, которая больше напоминала целый город. Там были свои собственные парки, аллеи и площадки для упражнений. Главное здание венчала угловатая башня с черным флюгером в виде петуха.

Образование было таково, что к шестнадцати годам человек получал, за редким исключением, все возможные знания, какие только накопились в пыльных библиотеках Парфагона. После школы не существовало другой учебы. Лишь защитники отечества еще пять лет постигали военное дело в Рыцарской академии.

Однако для Томаса школа стала сложным испытанием. Его привели к детям, которые были на пару лет младше. Педагогический совет во главе с ректором Исааком Ньютоном постановил, что зачислить селянина в такой класс будет наиболее верным решением, ведь его ровесники уже ушли далеко вперед в своих познаниях.

Вскорости все глумились над пришлым деревенщиной. Его дразнили при каждом удобном случае, коих селянин предоставлял великое множество. Особо насмехались над глупостью «громилы», который не знал даже о фазе. В итоге Томас оказался совершенно одинок, никто не хотел с ним играть. Однако он всегда помнил свое обещание рыцарю. Поэтому каждый день, проглотив все обиды, молча брел в школу. Там селянин со стиснутыми зубами жадно поглощал каждую порцию знаний, тем более что уже знал все буквы.

Трехлетних детей уже учили познанию мира, основам математики и языка, о чем Томас имел хоть какие-то представления. Мало того, он оказался большим знатоком в естествознании, поскольку рос у дикой природы. Однако это были далеко не самые важные уроки. Самым непонятным для Томаса оказался предмет «фазоведение». Многие одноклассники в той или иной форме уже владели фазой, но наиболее важные этапы обучения как раз только начинались.

Если столичные жители с молоком матери впитывали идею фазы, то Томасу было невозможно ее понять. Больше всего его удивляло, как эта огромная область знаний совершенно

отсутствовала в его жизни ранее. В его селении никто сроду не упоминал о фазе, а здесь, в Парфагоне, она являлась основой всего. Даже путь в рыцарство был закрыт без нее.

Получается, главной ценностью был сон – ведь именно на его грани фаза захватывала человека. Конечно, Томасу было сложно во все это даже просто поверить.

Однажды утром, когда за приоткрытым окном птицы уже подустали горланить в саду, Томас проснулся и сразу же вспомнил о фазе. Стараясь не двигаться, он приступил к заученным техникам: воображал кручение вокруг телесной оси, трущиеся друг о друга руки, а также бег вокруг беломраморной скульптуры Альберта Третьего, украшающей постамент у главного здания школы. Не получив результат, он попробовал снова закрутиться, снова увидеть руки и снова оказаться у скульптуры. Селянин повторял этот выученный цикл раз за разом – и вдруг увидел свои исцарапанные ладошки, хотя глаза были закрыты!

Как учили, Томас тут же попробовал взлететь. К своему изумлению, он со свистом в ушах по-настоящему воспарил к потолку. Ощущения стали столь кристально ясными, что даже запах ветхих балок ударил по носу. Дикий ужас овладел разумом селянина. Ему захотелось немедленно упасть обратно в кровать, но случайно брошенный взгляд в сторону окна заставил тело уверенно поплыть в его сторону. Учащенно дыша и сжав зубы, Томас пытался за что-нибудь ухватиться, но получалось только царапать потолок. Ни кувырки, ни взмахи рук – ничего не помогало остановить это плавное движение. Потеряв надежду справиться с этим колдовством, он наконец решился позвать Маргариту. Но, едва он набрал воздух, как оказался в проеме окна, и яркое солнце ослепило его.

Вместе с теплом, сочной зеленью и городским шумом куда-то испарился весь страх. Полет стал чем-то простым и будничным, словно Томас каждый день этим занимался. Мало того, все эти ощущения казались родными и жутко знакомыми, хотя он ни за что в жизни не забыл бы такое приключение. И вот, всего за пару мгновений, ужас сменился восторгом, ведь теперь он научился летать. А затем уже восторг тут же уступил место озарению: он ведь может прямо сейчас долететь до вулкана, к сестре!

Однако, как селянин ни пытался вырваться из рук неведомой силы, тянущей его ввысь и куда-то к югу, все его попытки были тщетны. Устав сопротивляться и привыкнув к высоте, он стал разглядывать черепицы крыш и людей внизу. Никто не догадывался посмотреть наверх, а потому его замечали разве что любопытные вороны. Вскоре внизу показались макушки каштанов вдоль длинной аллеи, где оказалось необычнолюдно для такого времени. Томас даже смог разглядеть ребят из школы, которые играли в догонялки.

Наконец, одна девушка в малиновом шапероне захотела чихнуть. И когда она задрала голову, ее глаза округлились и она завизжала на всю округу. Тут же все замерли и заохали, вскидывая руки кверху. Один рыцарь даже обнажил клинок, а школьники, сверкая пятками, попрятались в кустах. Странное чувство охватило селянина, будто кровь закипела и хлынула ему в голову. Смесь восторга и гордости заставили его сделать непринужденный и серьезный вид. Как раз он понял, куда летел – к замку, к одной из его башен. Внизу уже была главная площадь, и он притворился, что сам летит в нужном направлении. И действительно, ему и самому стало интересно: что же такого было в этой башне? Забыв о зеваках, он устремился к цели.

Подлетев к темному стеклу, Томас увидел в нем лишь свое отражение. Облетев башню по кругу, он не нашел ни одного открытого окошка. Увлеченный загадкой, он обратил внимание на легкий фиалковый аромат, а затем к его плечу кто-то прикоснулся:

– Ха-ха! – раздался звонкий голосок.

Вздвогнув, селянин мигом оказался у себя в кровати, с которой с огромным трудом смог встать. Босиком, в одной пижаме и с выпученными глазами, он выскочил из комнаты и бросился вниз по холодным ступенькам. В светлой столовой, всегда пропитанной ароматом выпечки, уже накрывала стол хозяйка дома. Она была в чепчике и белом фартуке поверх сиреневого платица.

– Маргарита! Маргарита! – задыхался Томас.

– Что случилось? Доброе утро!

– Я научился летать! Но...

– Вот время пошло: дети раньше учатся летать, чем здороваться.

– Доброе утро!

– Вот, другое дело, – Маргарита поставила последнюю тарелку на белую скатерть, а затем вышла в смежную кухню, утонув в клубах пара: – Так что у тебя там?

– Я только что летал и...

– Вот как! И давно ты так умеешь?

– Первый раз.

Послышались тяжелые шаги, и в столовую в одних панталонах забрел заспанный Нильс. Его массивное волосатое тело со шрамами и играющими мускулами поразило Томаса:

– Ничесе...

– Че за крики? – пробурчал рыцарь, почесывая свой зад. – Мутанты?

– Доброе утро! Наш герой научился летать, – рассмеялась Маргарита, гремя посудой на кухне.

– Хм, вот оно как. Доброе, доброе...

– Это все правда, дядя Нильс!

– Да ну тебя! Не может быть.

– Прямо до потолка взлетел, а потом и до замка.

– Ха, а я-то думаю: кто там по крыше все утро бродит, – подмигнул рыцарь. – Случайно не пробовал попасть в фазу?

– Не получилось.

– Интересно...

– Но зато я научился летать!

Нильс присел на белый стул, отчего застонала мягкая спинка, и посадил рядом Томаса. Потрепав волосы селянина, он с грустью оглядел пустые тарелки вокруг чаши с маслом и кувшина с молоком. Однако уже через миг расплылся в улыбке, когда сестра вынесла кастрюлю вареных яиц и корзинку со свежими булками.

– М-м-м... – закатил глаза воин. – Томас, мне кажется, мы должны тебя поздравить с первой фазой.

– Как раз готова праздничная перловка, – улыбнулась Маргарита и снова ушла греметь посудой.

– Но у меня же не получилось.

– Ты взлетел?

– Да.

– Понимаешь, фаза такой и должна быть. Она не отличается от реальности. Все как обычно, только ты можешь сделать гораздо больше. Например, взлететь, пройти сквозь стену или наращивать силу, как у меня, – русоволосый рыцарь ехидно прищурился, поднял руку и напряг мускулы.

– Я никак ее не почувствовал.

– А ты и не должен. Просто твое тело и комната потеряли свою твердь.

– Значит, я тоже смогу стать?

– Рыцарем, что ли?

– Смогу?

– Ты-то точно сможешь...

– Вот это да!

– Давай-ка отведаем праздничный завтрак.

– Класс!

Взъерошенные мужчины потянулись к выпечке, но вошла Маргарита с большой чашей. Она нахмурилась, а голос обрел жесткость:

- Это еще что?
- У нас, – жадно кусал булку Нильс, – праздник.
- Оба встали, умылись, оделись.
- Ну, сестренка...
- Пошли вон!

Однажды Томас отдыхал в парке между корпусами школы. Прислонившись к шершавому кедру, он грыз кислое яблоко. С ним до сих пор брезговали общаться, потому оставалось лишь в одиночестве созерцать веселые игры. В этот раз он наблюдал, как ребята чуть постарше запускали красного змея с длинными лентами.

Дюжина мальчишек кричала, сражаясь за вожака право получить веревку хоть на мгновение. Томас же, впервые увидев такую диковинку, почти не моргал. Еще пару месяцев назад он бы принял этот летающий ромб за колдовство.

Внезапно раздался громкий плач, а змей дернулся и стремительно нырнул в крону ветвистого дуба. Виноват был Ален Оспэ – смуглый и чернявый карапуз из класса Томаса, который вечно попадал в разные передраги. Во время догонялок он ненароком толкнул мальчугана со змеем, отчего тот не удержался на ногах и выпустил веревку. Старшие ребята накинулись на Алена и стали валять его по земле, обзывая и раздавая пинки. Сначала Томас испытал огромное облегчение – никто так не дразнил его, как этот непоседа.

Однако избиение вскоре показалось сущей несправедливостью: проказник был не старше Ирэн, да и совершил свой проступок случайно. Нечто вспыхнуло внутри селянина, отчего кровь ударила в голову. Отбросив яблоко и не чувствуя ног, он бросился к драчунам.

– Эй, стой! – закричал белобрысый Карл Линн с острыми глазками и носом картошкой, который тут же получил ногой в живот и, взревев, плюхнулся на землю.

– Ах ты, деревенщина... – замахаясь, едва промолвил толстяк, как был уже сбит с ног.

– Не надо! – умолял третий грубиян, но все равно получил по носу и оказался на траве со своей бандой.

– Что это с ним? Теперь он всех отлупит! – завопили остальные, отбежав подальше и наблюдая, как жалобно стонали главные задиры младших классов.

– Ог-го! – запинаясь, воскликнул помятый Ален и поднялся на ноги.

Сжав кулаки, Томас возвышался над одноклассником, тяжело дыша и оглядывая всех исподлобья. Пораженные ребята лишь молча смотрели на него в ответ.

– Зачем вы его били?

– Да мы и не... – мямлил толстяк, но тут же умолк от взгляда Томаса.

– Просто змея жалко. Как мы его достанем? – бурчал Карл, вставая и отряхиваясь.

– И всего-то?

– Тебе бы так!

– Учитесь, городские девочки, – усмехнулся Томас, сдул с лица волосы и, потирая руки, направился в сторону злополучного дуба. – Да я на такие каждый день лазил!

– Ого! – снова удивился Ален и побежал следом.

На самом деле таких огромных дубов Томас никогда не видел. И по деревьям он особо не лазил. Но нечто неведомое заставило его бравировать и не испытывать страх. Под охи и ахи снизу, ценой ссадин и синяков, он все же добрался до змея и скинул под радостные визги. И хотя его уже ждали хмурые преподаватели, он не особо их боялся. Ведь он в мгновение ока стал своим. А ради этого можно было вытерпеть любые взбучки.

После строгого выговора селянин вернулся в классный кабинет, уставленный цветами и пропахший акварельными красками. Его стены были увешаны рисунками диких животных, карт Селеции и портретами королей. Томас направился к самой дальней парте у окна, где его ждали книжки, листы с каракулями и чернильница с длинным пером. Обычно он сидел там в одиночестве, но место рядом уже занял этот вездесущий кошмар по имени Алэн:

– Видел, как они испугались?

– Бывает.

– Это же... Бандиты!

– Бандиты? – усмехнулся селянин, как бы равнодушно поглядывая на барашков за окном в небе. – И что теперь?

– Нам больше не страшно, Томас Юррг, – прозвенел тонкий голосок.

Обернувшись, юный герой увидел Марию Лури – маленькую девочку в светлом платьице в цветочек. Отличница была в обязательном черном фартуке и в сандалиях с белыми носочками на пухленьких ножках. На ее округлом личике сияли зеленые глазщицы с почти взрослым взглядом, на розовых щечках играли ямочки, а темные локоны струились до самого пояса.

Томас всего за один день обрел новых друзей и постепенно вжился в новый для себя мир. Хотя Парфагон оказался многогранным и совсем непростым городом, внешне все в нем было грациозно: аккуратные дома порой выше внешней стены; чистые магазинчики и вычурные театры; ровные мостовые, по брусчатке которых громыхали лакированные кареты; шумный и ароматный рынок с узкими рядами; заросшая каштанами Аллея героев, что соединяла Северные ворота с замком; огромная Арена для рыцарских турниров; пышные парки, где горожане выгуливали избалованных питомцев.

Больше всего селянин восхищался королевским замком, что возвышался неподалеку от Южных ворот и где каждую неделю гремели балы. Каменное строение имело четыре округлых и расширенных к вершинам башни, уходящих высоко в небо. К нему прилегалая главная площадь, отведенная под ярмарки и праздники. У парадного входа нависала белая арка, украшенная барельефами с баталиями. Возле нее день и ночь несли вахту молчаливые воины.

Еще большее удивление у Томаса вызывали сами горожане. Считалось, что они могли жить сотни лет, но это было лишь на словах. Долголетие напрямую зависело от мастерства владения фазой. Кто-то не мог толком в нее попасть даже после школы. Эти несчастные оказывались на безрадостных обочинах жизни Парфагона или вовсе предпочитали его покинуть. Кому-то, напротив, эти умения давались значительно проще. Но в любом случае мутации требовали постоянных усилий. Фактически приходилось подстраивать всю жизнь под фазу и сон. Некоторых это настолько утомляло, что они предпочитали спокойно умереть естественным образом.

Еще быстрее могли погибнуть рыцари, которым приходилось отражать набеги арогдорцев. Чтобы армия никогда не иссякала, потомство разрешалось заводить исключительно воинам. Нарушителей данного закона ждало изгнание или длительное заточение, но зато Академия никогда не пустовала. Также случались эпидемии или люди просто покидали столицу, устав от ее правил и не всегда справедливых законов. Кроме того, в Парфагоне чуть ли не ежедневно сводили счеты с жизнью, часто бросаясь со стены.

Все мужчины старались вырасти повыше и иметь гармоничные черты лица. Только воинам до этого не было дела, когда и без того приходилось заботиться о рыцарской мутации. А вот среди дам бурлила острая конкуренция. Без броской внешности у них не было ни единого шанса заполучить хотя бы самого захудалого воина. Поэтому все старались следовать популярным веяниям. Например, когда Томас только попал в город, огромные глаза и заостренные ушки считались самым писксом моды. Однако Маргарите эти причуды не особо помогали в силу то ли возраста, то ли характера.

Работали в помешенном на фазе городе немного, от силы несколько часов в день. Поскольку подконтрольные земли южной части Селеции досыта снабжали столицу, некоторым ее жителям еще приходилось потрудиться, чтобы занять себя. Но даже бездельники всегда имели золотую монету. Такое содержание было положено каждому взрослому жителю с новой луной. Это богатство можно было разменять на серебряные, медные и самые бесценные бронзовые монеты. На их сторонах красовались меч и пшеничный колос в обрамлении двух слившихся кругов.

Большую роль в жизни города играла Этическая комиссия, возглавляемая самим Альбертом Третьим. К примеру, она запрещала определенные типы мутаций. Было категорически запрещено менять пол через фазу, стирать узнаваемые черты лица, создавать излишне пышные формы или уж тем более наращивать новые части тела. В этом отношении лишь рыцари могли позволить себе чуть больше свободы. Также в городе было табу на любые дурманящие вещества и напитки, азартные игры и многое другое. Боролись даже с популярными в темных чуланах магическими ритуалами и религиозными культами.

Этическая комиссия следила даже за внешним видом парфагонцев. Запрещалось носить старую и грязную одежду, а также слишком броские и откровенные наряды. За излишнюю наготу могли даже отправить в одну из Башен заточения. Поэтому женщины отдавали предпочтение облегающим платьям, кожаным сапожкам или туфелькам. Их волосы прикрывали чепцы, но они также любили носить шапероны – капюшоны с длинным шлыком на спине и иногда с пелериной на плечах. Более знатные особы показывались на людях в пышных платьях и носили геннин – высокую рогообразную или конусовидную шляпу с прозрачным шлейфом, иногда доходившим до пяток.

Мужчины чаще всего обходились балахоном, плотной кожаной курткой или подпоясанной рубахой поверх коротких штанов. Обувались они в сапоги до колена или сандалии в жаркую погоду, а голову предпочитали вовсе оставлять открытой или надевали тот же шаперон. Непременным атрибутом знати считались широкоплечий короткий камзол, круглая шляпа с перьями, туфли с вытянутым носком, а также накидки и облегающие колготки, которые неизменно вызывали смех у Томаса.

Полной идилии мешали только арогдорцы, нервируя город подлыми набегами. К счастью, Королевский совет успешно оберегал Парфагон. В Совет входили высшие лица города, а возглавлял его все тот же Альберт Третий.

Альберт Штейн, как его звали в действительности, восседал на троне большую часть из своих трех веков жизни. Его семья правила королевством с самого его основания, то есть 948 лет. Тогда и началось летоисчисление, поскольку до той поры бушевали темные времена. Именно восшествие на престол Альберта ознаменовало резкий подъем уровня жизни и развития фазы. Его реформы привели к созданию того удивительного Парфагона, в который попал Томас. Поэтому все любили и уважали короля, чем неизбежно проникся и сам бывший селянин.

Однако горожане любили и посплетничать о главе Парфагона. Несмотря на шесть браков, новорожденная дочь оказалась его единственным ребенком. Вопреки всем правилам, она получила титул принцессы, хотя и без права наследования престола. Некогда короля радовал любимый сын, но творческая натура молодого человека не выдержала рамок своеобразного города. Принц покончил с собой, едва преодолев порог юношества. Поэтому все знали, что после Альберта место на троне было уготовано канцлеру.

Следующие тринадцать лет прошли в благополучии. Томас сносно овладел фазой, хотя по-прежнему тратил на это больше усилий, нежели другие парфагонцы. Его приемный отец

дослужился до серебряного жетона трибуна, отчего еще чаще пропадал за городской стеной. В свои восемнадцать лет Томас с нетерпением ожидал момента, когда сможет составить ему компанию. Сам он вымахал в дородного шатена с густыми волосами до плеч и наливными губами, верхняя из которых все также была слегка вздернута. Казалось, его зеленовато-карие глаза сохранили не только врожденную задумчивость, но и искорки простоты из сельского прошлого.

В белой рубаше, в штанах с толстым ремнем и в башмаках с медной пряжкой, Томас вместе с друзьями томился на лавке у двери к ректору. Кабинет Ньютона, от которого разило геранью, располагался на втором этаже главного корпуса школы, поэтому из арок галереи был виден дубовый парк. Там юные парфягонцы с громкими возгласами запускали разноцветных змеев, шепуршавших на весеннем ветерке. Рядом с будущим рыцарем ерзала шестнадцатилетняя Мария, на которой под школьным фартуком колыхалось легкое платье. Весьма фигуристая и глазастая брюнетка теребила свои кудряшки, пока ее ямочки на щечках переливались румянцем:

- Думаешь, примут мою лабораторную?
- Опять, что ли? – прозвучал бас.
- Нет?!

Мария надулась, но еще больше повернулась глубоким вырезом к соседу по лавке. По другую руку от деревенщины покачивал смуглой головой Ален Оспэ, высокий жгучий брюнет с пронзительным черным взглядом:

- Как такое не оценить сыну Дора?

Томас опустил взгляд на грудь Марии:

- Я бы смог больше сделать.

– Ну и тугодум, – буркнула подруга и отвернулась, скрестив пухленькие ручки. – Больше он сделает...

- А что? Я бы точно больше себе сделал.

- Куда больше-то?! – выпучил глаза Ален.

На экзамен по фазоведению допускались перегибы в мутациях, и потому каждый достигал тех изменений анатомии, каких только мог пожелать. Всего раз в жизни парфягонцам позволялась такая роскошь, а затем эти мутации сами пропадали через пару месяцев. Поэтому Ален попытался сделать себя взрослым красавцем. Прилежная и скромная Мария сделала себе пышные формы, хотя и так не была обделена от природы. Однако у деревенщины уже рябило в глазах от сих научных достижений, ведь каждая вторая выпускница пошла тем же путем. Сам Томас выбрал рыцарский шаблон, как и многие юноши, мечтая об Академии.

Настала очередь Томаса, и он с волнением вошел в кабинет Исаака Ньютона, присев на стул в центре. Напротив, по обе стороны от утонувшего в бумагах ректора в черном камзоле, сдерживали улыбки две учительницы, кудрявые близняшки в синих платьях. Главу школы, с его прилизанными волосами, ненавидели абсолютно все парфягонцы от мала до велика. Его бегающие глазенки всегда сверлили из-под огромного лба, а тонкие, едва заметные губы над детским подбородком так и норовили придраться на ровном месте. Из-за его спины нависал грозный лик бородатого и упитанного Альберта Третьего, занимая полстены в позолоченной раме, а вокруг упирались в высокий потолок книжные полки. Аромат корешков старых изданий пробивался сквозь герань в горшках на окнах и успокаивал Томаса, напоминая уютный дом.

– Лабораторную работу мы, конечно, принимаем, – запищал Ньютон, разглядывая крупный торс Томаса. – Правда, я бы на твоём месте попробовал что-нибудь иное.

- Спасибо!

- Знаешь, это весьма удивительно. Не напомнишь, кем были родители?

- Отец – охотник, а мама хлопотала по хозяйству.

– Охотник, значит, – ректор переглянулся с близняшками, но те лишь синхронно пожали плечами. – Надо же...

– Я старался оправдать оказанное Парфагоном доверие.

– Ну-ну! Что ж, теперь расскажи нам о других возможностях фазы, – шурясь, ректор откинулся на спинку кожаного кресла.

Наполнив широкую грудь воздухом, Томас принялся перечислять все способы применения фазы. Еще в начальных классах изучив техники перемещения и нахождения объектов в фазе, дети сразу приступали к путешествиям в ней по удивительным местам Селеции и лабиринтам времени. Затем они познали тонкости встреч с близкими и историческими личностями, причем необязательно живыми. Далее они углублялись в творческое применение фазы, реализации желаний, избавления от скованности и других душевных недугов, а также для развлечения и много другого. В старших классах Томасу поведали, что фазу можно использовать для получения новых знаний, но этот раздел науки был скверно изучен. Было строго запрещено соваться в эту сферу, дабы нечаянно не навредить себе.

Далее Томас рассказал о непрямом методе, когда входят в фазу на пробуждении. Именно таким образом у него получилось в первый раз. Потом он объяснил самый сложный метод, осуществляемый без сна. Далее Томас поведал о тонкостях осознания во сне, что тоже считалось одним из вариантов фазы. Затем распыленный Томас описывал техники углубления и удержания фазы, а также главные законы ее пространства. Наконец, подбросив пару каверзных вопросов, ректор все же успокоился:

– Хорошо, Юрг, – глядя в бумаги, пропищал он, – а где ты сейчас находишься?

– У вас в кабинете.

– Томас! – вмешались сестры.

– А... В фазе нахожусь.

– Это почему же? – поднял глаза Ньюртон.

– Мы всегда в одном и том же месте. Ночная фаза – это та же реальность, но без тверди и без связи с другими людьми.

– То есть прямо сейчас вокруг нас фаза?

– Да, но стабильная.

– Ладно. Ставим «отлично»?

Пока Ньюртон косился на кивающих учительниц, его перо уже скрипело в аттестате и некоем документе, черном от пометок.

– Спасибо, ректор!

– Это твое, – протянул бумагу Ньюртон. – Удачи!

Вскоре выпускники и их близкие собрались на главной площади школы у скульптуры Альберта Третьего. С помоста их долго и нудно наставлял ректор, переминаясь на ногах-тростинках в тонких колготках, после чего началось пиршество и веселье. Мария и Аллен даже смогли вытащить Томаса на хороводы. Только в сумерках, когда заскрипели сверчки и опустели улицы, выпускники стали расходиться. По обычаю, сын Нильса Дора вызвался проводить Марию.

– Утром в Академию? – после долгого молчания прошептала девушка, заглядывая ему в глаза. К этому моменту они уже остановились у аккуратного домика семьи Лури.

– Не могу даже поверить...

– У нас все получится.

– У нас? – поднял брови Томас.

– Удачи, мой рыцарь! И спасибо за поцелуй, – она вдруг прижалась к нему цветущими устами, а затем шустро скрылась за дверью.

Опешив, Томас не совсем понял, почему его поблагодарили и что вообще произошло. Однако эти спутанные мысли быстро померкли на фоне долгожданного поступления в Рыцар-

скую академию. Совсем скоро он будет на шаг ближе к своей мечте: чем старше селянин становился, тем больше верил, что Ирэн выжила и что он рано или поздно ее спасет.

Томас не смог сомкнуть глаз за всю ночь, как ни старался. В итоге с первыми жаворонками он уже разглядывал серую Академию, которая примыкала к городской стене на северной окраине города. Здание венчали две Башни заточения, а сдержанный фасад разбавляли лишь редкие окна да три стальных щита с кольцами Парфагона. Внутри еще никого не было – столичные жители вставали поздно, спасаясь от солнца плотными шторами и масками для глаз. Намотав пару кругов вокруг Академии, ее флигелей и конюшен, Томас уселся под высокой дверью. Замечтавшись, он незаметно провалился в калейдоскоп сновидений.

Его разбудила гудящая толпа вчерашних школьников. То и дело дверью хлопали молодые курсанты, которым уже позволяли красоваться в синем камзоле с широкими плечами, а также носить кинжал на поясе. По габаритам можно было легко угадать, на каком из пяти курсов они обучались.

Внезапно толпа оживилась, и откуда ни возьмись завопил Ален:

– Идут, а ты чуть не проспал! Вот было бы смеху!

– И не мечтай, – буркнул Томас, поднимаясь и отряхиваясь. – Выспимся в Арогдоре.

– Спасибо, я лучше у мамочки.

Приемная комиссия быстро продвигалась к Академии по узкому коридору из умолкших выпускников. Она состояла из того же ректора и пары громадных центурионов, судя по бронзовым жетонам.

Проходя мимо заспанного Томаса, Ньюртон фыркнул и встал напротив него. Офицеры тоже остановились, как и вся толпа, замерев в ожидании. Бывший селянин почувствовал неладное. В его глазах замельтешили белые огоньки. Ректор с весельем смотрел на него откуда-то снизу, моргая малюсенькими глазками из-под своего огромного лба.

– Что тут делаешь? – пропищал он.

– Я? Не понимаю...

– Еще раз спрашиваю: что ты здесь делаешь?

– Я пришел поступать. Рыцари... Академия...

– Во надумал! – усмехнулся Ньюртон, отчего толпа ахнула, а Томас отшатнулся назад. –

Ты пришлый. Тебе же запрещено.

Селянин даже не заметил, как волнение молниеносно сменилось гневом:

– Что?!

– Не знал?

– У меня же есть нужная оценка!

– И? Это за-ко-ны, мой друг. Иди домой и прекрати мутировать. Это только для настоящих ры...

Ньюртон с хрустом поцеловал каменный кулак деревенщины, из-за чего плюхнулся в руки толпы. Там он по-девичьи ахнул и лишился чувств, а может, просто сделал вид. Офицеры тут же бросились на Томаса. Несмотря на ожесточенное сопротивление, они легко повалили его на брусчатку, прижав ему шею мечом. Ален хотел было прийти на помощь, но был остановлен другим лезвием, замершим у его растерянного лица.

Погнив пару недель в сырой Башне заточения, что словно насмешка судьбы находилась как раз над Академией, Томас Юрг вышел на свободу одним из теплых летних деньков. Скан-

дальняя история наделала много шума в столице. Многие испытывали жалость к исхудавшему парню и потому старались не смотреть ему в глаза, пока он брел к дому.

Когда он добрался к Дорам, на пороге его горячо обняла Маргарита. Она заставила его немедленно помыться, а затем до отвала накормила рыбным пирогом и отправила отсыпаться на свежей постели. Там, не пробуждаясь и не меняя положения, Томас продрях до позднего вечера. Проснувшись во тьме, он с помощью огнива зажег свечу и начал пихать в походный мешок самое ценное: любимые книги, юношеский рыцарский инвентарь и другой скарб. Не забыл он и о мешочке с медяками, которые копил на настоящий меч.

В это время вернулся изможденный Нильс и, не снимая грязных доспехов, сразу же поднялся в комнату. Войдя в нее, рыцарь попытался обнять Томаса, но тот оттолкнул его, чуть не свалив с ног.

– Поня-я-ятно, – протянул Нильс. – Ты знаешь, чего мне стоила твоя свобода? Да если бы не твой возраст...

Однако угрюмый парень молча продолжал собирать свои пожитки.

– И куда?

– Никуда.

– Думаешь, я знал и молчал, так?

– Ты не последний человек, Нильс.

– Я боевой офицер! – рявкнул рыцарь. – Мне насрать на этих штабных крыс и их тупые правила! Пока их задницы протирают штаны в Академии, мои люди каждый день дохнут за стеной! Понимаешь? Да и много ты знаешь пришлых, как ты? Как можно знать все эти дурацкие законы о том, кому что можно, а что нет?

– И ты не мог ничего сделать?

– Томас, пойми: я все время не находил себе места. Я обошел все инстанции. Я изучил все наши законы. Я был у канцлера и писал королю. Но я не нашел ни одного выхода. Мало того, если ты продолжишь мутировать, они примут меры. Возможно, это коснется меня. Но мы что-нибудь придумаем, найдем тебе полезное дело. Только не горячись так, остынь.

– Найдем полезное дело? – усмехнулся Томас.

– Обязательно! Ты и не такое прошел.

– Не волнуйся: никаких санкций к тебе не будет.

– Да, я только о себе и забочусь все эти годы...

– Разве нет? Если бы не Маргарита, меня бы тут не было. Не так ли?

– Ты уже давно мне родной.

– Да-да.

– Так что задумал?

– Ухожу туда, где меня никто не остановит.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь. Твои обязанности действуют и за стеной.

– Пф.

Нильс встал на пути Томаса, но тот вновь оттолкнул его и вышел из комнаты со своим мешком. Трибуну осталось лишь выругаться и пнуть книжный шкаф, отчего старые книги рассыпались по полу.

Бегло спускаясь вниз, бывший селянин наткнулся на Маргариту:

– Что случилось? Ты куда, Томас?

– Спасибо тебе, Маргарита, за все, что ты сделала, – обняв и горячо поцеловав в лоб рыжую женщину, ответил он. – Но это моя жизнь.

– Как это понимать? – прикрывая рот, проскулила она, глядя на идущего следом брата.

– Спасибо и тебе, Нильс Дор! Я всегда буду тебе обязан, но сейчас должен уйти.

– Да ничего мне не надо, дуралей. Не уходи.

– Это невозможно. Прощайте! – уже из-за двери бросил Томас, которого все еще пыталась остановить Маргарита:

– Стой же! Как же ты без нас?!

Томас увернулся от рыдающей женщины, закинул на плечо тугой мешок и направился в сторону Северных ворот. Там, в ответ на вопрос стража о причине столь позднего выхода из столицы, Томас достал драгоценную бумагу гражданина Парфагона и разорвал ее в мелкие клочья, которые медленно осели к его ногам. Рыцарь тут же дал сигнал товарищам, и скрипнувшие ворота загрохотали в мертвой тишине уже заснувшего города.

– Томас!

Обернувшись, он увидел бегущую Марию и нехотя остановился.

– Куда же ты? – промолвила сквозь слезы девушка, бросаясь ему на шею и целуя солеными губами его мраморное лицо.

– Вернусь домой.

– Что ты там будешь делать?

– Сама знаешь. А тут мне больше ничего не нужно. Прощай!

– А я? Как же я, Томас?

– Еще увидимся. И передай привет Алену, – сквозь ком в горле ответил Томас. Он вырвался из тесных объятий и уверенной поступью перешел ров, когда за его за спиной уже с лязгом захлопнулись ворота.

Глава 3. Награда Черного рыцаря

Томас провел больше суток в неспешном пути по извилистой дороге, прежде чем оказался в Салепе. По пути он проходил леса и холмы, окруженные фруктовыми садами, пастбищами и сочными полями. Местные жители удивлялись ему, низко кланялись и снимали широкополые шляпы и чепчики.

За прошедшие годы сожженный город, будучи центром обширного округа, смог полностью восстановиться. Томас в первую очередь отправился на рынок, где его отец сбывал добычу. Уже на подходе к торговым рядам он услышал галдящую толпу и уловил знакомый с детства букет резких запахов. Как назло, прямо у входа загружали телеги сборщиков дани, пока высокие молодые люди чем-то веселили местных девушек. Стараясь не попадаться им на глаза, Томас прошелся по узким рядам. Там он за два медяка прикупил кусок вяленого мяса и еще теплую лепешку, а затем направился дальше на север.

Шрамы на его сердце проступали все сильнее и сильнее, когда он подходил к родным местам. Томас до сих пор помнил каждый поворот этой дороги и потому легко узнал место, где упал в лужу с головастиками, когда искал отца. А чуть дальше, в хвойном лесу, его пыталась остановить соседка. И вот Томас вышел на окраину и сразу почувствовал тот самый аро-

мат, немного отдающий навозом. Он надеялся увидеть не больше пары хозяйств, но поразился совершенно живому селению. Пройдя по добротной улице, он остановился напротив кирпичного дома. Из-за могучего орехового дерева за ним подглядывали два коренастых мальчика и светловолосая девочка чуть постарше, вся в веснушках. Босые и в мешковатых туниках, они напомнили Томасу, как он с сестренкой точно так же выслеживал чужаков.

Из трубы мастерской, что находилась возле дома, шел бурый дым, а внутри, словно колокол, звенела наковальня. Постояв и оглядевшись, Томас решился войти внутрь жилища, но наткнулся на миниатюрную пожилую женщину. Ее маленькое круглое лицо и голубые глаза он быстро вспомнил: это была жена кузнеца.

– Макс, иди-ка быстро! – крикнула она, вытирая руки о желтый фартук и с подозрением оглядывая молодого человека.

Сквозь звон металла послышался рык:

– Что там?

– Ну, иди же быстрее!

– Опять что-то придумала...

Воцарилась тишина, и во двор вышел мокрый пожилой мужчина в прожженных штанах, массивных сапогах по колено и замызганном фартуке на обнаженном торсе. Несмотря на обильную седую растительность на теле, он был необычайно хорошо сложен. Довершали картину исполинский рост и окладистая борода. Не бросая молота, кузнец подошел к Томасу и своим известным прищуром начал сверлить гостя, пока тот сам не сдался.

– Не узнаете?

– Должен?

– Я Томас Юрг.

Женщина ахнула и отшатнулась назад. Невозмутимый кузнец начал еще пристальнее вглядываться в незнакомца.

– Не может быть! – наконец произнес могучий селянин и схватил Томаса в свои железные объятия, чему тут же последовала его жена:

– Где ты был? Где Ирэн?

– Кто такой Томаз Югл? – раздался детский голосок из кустов.

– Потом узнаешь. Беги и расскажи всем. Поняла, Лиза? – скомандовала женщина, и девочка помчалась прочь, оглядываясь и подгоняя тумачами своих мальчишек.

Ближе к вечеру местные жители собрались во дворе кузнеца, где накрыли большой стол. Юному горожанину впервые пришлось отведать сладкого вина, как он ни пытался отказаться от запрещенного в Парфагоне напитка. Чтобы ничего не пропустить, односельчане окружили его бормочущим кольцом, словно пчелы тарелку с сиропом. Их поражали его внешний вид и, конечно, истории о столичной жизни. Особенно удивлялись малыши, выглядывая из-под взрослых и пытаясь незаметно потрогать гостя, что он охотно позволял.

Захмелевший Томас смог узнать немногих односельчан. Как оказалось, мало кто пережил ту страшную трагедию, но зато они вернулись и попытались жить в прежнем русле. Среди них оказались Макс с женой, потерявшие в бойне пятерых детей. При этом никто не слышал об Ирэн, и оставалось лишь гадать, что уготовила ей судьба в логове мутантов. Родителей Томаса, как и других жертв, похоронили на старом кладбище у восточной окраины. Молодой человек уже навещал их, временно поселившись все в том же доме кузнеца.

Несостоявшийся рыцарь все еще находился в растерянности, ведь теперь нужно было придумать новый путь к заветной цели. На свой страх и риск Томас решил продолжить мутацию, надеясь найти ей применение в будущем. И хотя это было нелегально, юноша верил, что его никто не обнаружит в этом затерянном селении. С одной стороны, он начинал жалеть, что безвозвратно покинул столицу. С другой же стороны, пусть и таким сомнительным способом, он продолжал идти к мечте, что не могло не согреть его сердце.

Односельчане, по своей натуре совсем простые люди, с трепетом отнеслись к его пожеланиям. Ему не только дали кров, но и всячески опекали. Чтобы он смог заработать на пропитание, кузнец взял его в подмастерья, пообещав, что жилы юноши не будут скучать. И действительно, после некоторого обучения изнеженного горожанина, его удаль оказалась весьма кстати, и дела мастерской пошли в гору.

Однажды, пропотев в кузнице, Томас едва выполз на свежий воздух и свалился на землю. Опершись о стог сена, он с наслаждением прикрыл глаза.

От скупого на слова Макса Ланка он узнал, что отец действительно был потомственным охотником и его предков знали издавна, но вот материнских родственников никто не видел. Со слов парочки, они повстречались в одном из отдаленных поселений к юго-востоку от Парфагона. Там вспыхнула любовь едва ли не с первого взгляда, и девушка сбежала с ним из отчего дома. Поначалу молодая особа заметно выделялась внешностью и манерами, коих, видимо, нахваталась в родных местах. Однако с появлением малышей она остепенилась, и вскоре ее приняло все селение.

Находясь в этих думах, Томас почувствовал, как теплая волна обволокла гудящие мускулы и как мысли стали проваливаться в пустоту. И вот он уже практически уснул, как разум снова включился. Помня о прямом методе входа в фазу и не двигаясь, он применил несколько техник. Твердь пространства не изменилась, поэтому он стал снова погружаться в забвение.

В караване сочных картинок уже через пару минут его сознание снова включилось. Томас опять начал неспешно чередовать техники: разглядывание рук с попытками увидеть их перед закрытыми глазами; вращение, при котором он представлял, что крутится вокруг оси; раскачивание руки, когда нужно настырно пытаться двигать ладони вверх-вниз, не используя мышц. А затем он повторял все сначала, по новому кругу, пока на мгновение не отключился – и тут же проснулся.

На этот раз Томас уже взаправду крутился как поросенок на вертеле. Это означало, что пространство сломалось и он оказался в фазе! Тело загудело, шум в ушах сжимал мозги, и селянин немедленно попытался встать. Хотя движение показалось тяжелым и тягучим, он все же смог подняться.

Томас побежал по проселочной дороге, потирая ладони и разглядывая линии на них. В итоге зрение стало настолько острым, что можно было разглядеть каждый листок на самом отдаленном дереве, а краски ослепляли сочностью. Фаза углубилась и закрепилась.

Хотя Томас изначально ощущал свою массивность, поскольку его фазовое тело уже привыкло к облику рыцаря, он стал делать себя еще больше. После некоторой паузы его торс с глухим треском раздался вширь и вверх. По достижении нужных габаритов ему оставалось только удерживать их как можно дольше. Это было непросто, ведь фаза все время норовит выплюнуть человека в обыденную реальность.

Проще всего этот вопрос решался активными действиями, даже простым развлечением. Однако Томас решил навестить сестру, которая в родных местах теперь и вовсе не выходила из его головы. Взлетев, он увидел вдали странного рыцаря на вороном коне и со свистом в ушах помчался на север. Там, прорывая пышные облака, тянулся к небу вулкан, который, казалось, вот-вот проломит собою земную твердь. Добравшись до его подножья, селянин увидел одну из рек и взлетел вдоль нее к самому жерлу, из которого тянулись вверх сотни столбов черного дыма.

Едва подумав о доспехах, Томас обнаружил их на себе. Затем он выхватил меч и кинулся вниз, где вокруг одного из обшарпанных зданий, похожего на покосившуюся крепость, уже

скалились клыкастые четырехрукие монстры со сверкающими клинками. Рухнув в грязь, юный рыцарь улыбнулся арогдорцам, чьи разъярённые глаза блестели меж иссиня-белых дредов:

– Соскучились, а?

– На этот раз у тебя ничего не выйдет! – шагнул вперед один громила, сплюнул и обернулся к своим: – Виват, Арогдор!

– Виват, Эйзенберг!

– Виват, Джавер!

Иступлено оружие мутанты вскинули оружие кверху. Из плоти начали вырываться третьи пары покрытых наростами рук, заливая брусчатку густой кровью.

Отойдя от изумления, Томас бросился к дому, ловко кромсая неприятеля, отчего головы с белоснежными дредами разлетались во все стороны. Рыча и пиная особо пронырливых монстров, он все ближе пробирался к заветному строению. И вот перед ним оказался главарь, и завязалось упорная схватка. Казалось, еще немного и рыцарь будет повержен, но враг все же был расколот пополам, с головы до ног. Словно ведро горячей крови выплеснулась в лицо юному воину, отчего он потерял зрение и оказался у стога сена.

Выдохнув, селянин снова выкатился из телесных оков. Закрыв глаза, он собрал все внимание на Ирэн. Тут же возникло стремительное движение, и он выпал в крохотную комнатку. В сумерках почти ничего не было видно, не считая столика на тонких ножках и многочисленной женской обуви в углу. В центре стояла кровать, занимая почти все пространство. На ней под бурым мехом дремала нагая девушка с каштановыми волосами.

Понаблюдав за ней со стороны, а затем присев рядом, Томас улыбнулся и провел рукой по ее теплой щеке, отчего Ирэн нехотя приоткрыла заспанные глаза. Она протяжно зевнула, а затем приподнялась:

– Привет!

– Все спишь и спишь тут, – улыбнулся молодой человек.

– Ну и в задницу ты забрался! – грубо фыркнула сестра, дергая его за руку.

– Не понял... Ирэн?

Зрение и восприятие тела стали быстро растворяться в серой пелене. Томас начал судорожно сдерживать фазу, насыщая себя всеми возможными ощущениями. Он яростно щупал гладкие доски пола и мягкий мех, всматривался в линии на руках и в мелкие бугорки на стенах. Ему удалось вернуть прочность фазы, но на этом сюрпризы не закончились.

– Че это? Откуда уже такие мозоли? – знакомым мужским голосом заговорила Ирэн и снова дернула его за руку. – Ты чем тут занимаешься, деревенщина?

Девушка пропала, пространство вернуло свою твердь, а Томас нашел себя у стога сена. Перед ним в гремящих доспехах пританцовывал Ален Оспэ. Поскольку гость только приступил к рыцарской мутации, курсантский панцирь болтался на нем, как кастрюля на плетеной изгороди.

– Не напомним, какой там штраф за побудку? – буркнул Томас, поднимаясь с земли.

– Здорóво! Всяко меньше, чем за твою мутацию, – парировал Ален, обнимая приятеля. – Времени и так нет, а я еле тебя отыскал в этой дыре.

– Я тут родился вообще-то.

– Ха, понятно, почему ты такой дуралей!

– Так, благородный рыцарь, – осмотрел своего собеседника Томас, – как вас сюда занесло?

– Надоело подтирать сопли Марии! Я кое-что придумал.

– Ты придумал? М-да...

– Помнишь о турнире?

– Это все? За этим ты прискакал?

– Ты не понимаешь! Я уже поговорил с Нильсом.

– Нашел, с кем советоваться.

– Не перебивай, – Ален ткнул друга в плечо и продолжил: – Так вот, это же открытый турнир, так? Помнишь, как каждый год всякие деревенщины отхватывают в первом же туре? Ха-ха!

– Предлагаешь мне потом тоже в фазе новую руку или ногу отращивать? Спасибо, дружище!

– Это не все. Какой приз за победу?

– Сто золотых, как всегда.

– Или?

– Что «или»?

– Однажды победитель вместо золота оставил просьбу к королю. И тот ее принял, представляешь?

– Придумал, поди?

– А вот и нет.

– Не может быть. Все бы помнили это. Кто он?

– Этот... Забыл! Не слышал раньше о нем.

– Ха, о чемпионе никогда не слышал?

– Да это давно было. Забыли все. Клянусь, я нашел бумаги в архиве Академии. Они их зачем-то убрали в сундук с тряпками и замуровали в стену. Поэтому я тут, глупец!

– А ты зачем там рылся?

– Тебе расскажи! Ну, не это ли твой шанс?

Томас уставился в пустоту, оценивая безумный план. Как можно одолеть воинов, которые годами оттачивают мастерство на громадных арогдорцах? С другой стороны, что он теряет ради шанса стать рыцарем?

– И что Нильс? Он сам так и не выиграл ведь.

– Говорит, шансов маловато. Но если будешь пробовать, он поможет. Решать тебе.

– Подумаю, конечно, но...

– Думай, – брэнча доспехами, курсант оседлал черного, как уголь, жеребца. – Смотрю, плохо тебе без Марии. Слезы на глазах от твоих рук!

– Это из кузни, – смутился Томас.

– Эх, я там тоже горбачусь с утра до вечера.

– Я серьезно.

– Никому не расскажу, не переживай.

– Только попробуй, засранец в железках!

– Удачи, кузнец!

– Вот гаденыш...

Гогоча, чернявый парфагонец прищпорил коня и умчался обратно в лес, оставляя позади себя оседающую на дорогу пыль.

Спустя две ночи душевных метаний Томас решил, что у него действительно нет выбора и стоит попытать счастья с безумной идеей Алена.

Королевский рыцарский турнир проходил каждый год в последние дни октября и был приурочен к сбору урожая. В эти дни склады доверху ломились данью, что гарантировало сытость Парфагона до следующей осени. Оказавшись в столице, Томас не пропускал ни одного турнира. Он отлично знал, что это было самое грандиозное событие всей Селеции. Посему король ничего не жалел для столь важного праздника.

Хотя турнир считался открытым, в нем запрещали сражаться аристократам. При этом награда из ста золотых монет могла обеспечить безбедную жизнь на годы вперед, поэтому никто и не помышлял о другом вознаграждении. Всем казалось, что стоявшее на кону богатство могло само по себе свершить любое чудо.

Спустя несколько дней к дому кузнеца пожаловали столичные гости в лице трибуна Дора, центуриона Фейна и Марии в волнистом платье в зеленый цветочек. Изумляя местных жителей, они горячо обняли Томаса. Нильс держал за повод жеребца черно-белого окраса. Упитанное животное выделялось белыми щетками над копытами, смолистой гривой и пышным хвостом почти до земли. На его морде тянулось пятно вдоль переносицы, а большие глаза бегали под пушистыми ресницами.

– Опять новый конь, Нильс? Шикарный!

– Нет, мой пока жив. Это тебе.

– Мне?!

– Какой же рыцарь без коня?

– Не может быть!

Почти подпрыгивая, Томас кругами заходил вокруг нового фыркающего друга.

– Это Вектор. Ему пятый год.

– Правда мне?

– Хотел подарить одному курсанту...

– Прости, Нильс!

– Кстати, тут не так уж и плохо. Надо было тебя тут и оставить.

Томас улыбнулся и обнял приемного отца. Затем он попытался оседлать коня, но тот заржал и встал на дыбы, под всеобщий смех скинув селянина в лужу. Мужчины засыпали советами скулящего от боли юношу, после чего дружно отправились на долгожданный ужин. Жена кузнеца уже накрыла богатый стол на кухне, с молодым барашком в качестве главного блюда. Наевшись до отвала и отведав винца, разомлевшая компания стала решать, как им быть дальше.

На дворе стоял июль, что оставляло Томасу всего три месяца на подготовку и прибавку в габаритах. Чтобы он мог полноценно тренироваться, Нильс привез выдавшие виды копья, меч и арбалет – главные орудия турнира. Особые доспехи и амуницию планировалось приобрести позже, однако Макс Ланк заявил, что вместе с подмастерьем сам займется их ковкой. Для стрельбы из арбалета решили нанять известного охотника, дальнего родственника Томаса. Конной выездке и бою на копьях вызвался обучить Ричард, один из лучших в этом виде. А владение мечом взял на себя сам Нильс.

Не осталась в стороне и Мария. Она вызвалась погостить в селении – должен же кто-то решать насущные вопросы? Кто будет следить за плотным расписанием воина? Эти доводы рассмешили Нильса, но поспорить с ними было сложно. Сам селянин в этот момент плохо соображал, поскольку впервые оценил достоинства горожанки, ослепительной в этом захолустье.

Решив все вопросы, гости остались на ночлег у кузнеца. По удивительному стечению обстоятельств именно Марии не досталось свободной комнаты, а в соседских домах ей было страшно оставаться без должной охраны. Томасу ничего не оставалось, как исключительно по-дружески предложить ей эту ночь остаться в его скромной обители. В ней практически ничего не было, кроме соломенного матраса на полу, стопок книг по углам и юношеской амуниции на стенах.

– Только не приставай, – бубнил Нильс, покачиваясь в дверном проеме при свете догорающей свечи. – Поняла?

– Что вы! – покраснела Мария, поправляя накидку, под которой сияла белая сорочка.

– Эти ваши бабские штучки...

– Ну, что ты несешь? – попытался вмешаться Томас.

– Поймешь, когда вырастешь, – подмигнул Нильс. – Все! Всем спать! Это приказ! Пам-па, па-па-пам...

Трибун хлопнул дверью, а когда его шаги утихли, в распахнутое окно ворвались стрекот сверчков и протяжные позывы сыча. Оттуда же подул ласковый ветер с сельскими ароматами. Молодые люди молча стояли друг напротив друга и не знали, как вести себя дальше. К счастью Томаса, некое внутреннее чутье подсказало ему аккуратно взять Марию за руку и подвести к окну. Там, обхватив ее за талию, он молча любовался ею под светом луны. А затем прошептал:

– Прости... Спасибо, что приехала. Я тебя ждал.

– Скучал? – опуская глаза и прикусывая сочную губку, промурлыкала Мария.

– Да, конечно.

– Я думала, мы больше не увидимся.

– Что ты! Я бы нашел выход, поверь.

Снова повисла пауза. Осторожно нагнувшись к девушке, Томас положил руку на ее затылок и, закрыв глаза, уверенно пододвинул милую головку к своим устам. Сначала он почувствовал неподвижные губки, словно едва позволившие прикоснуться к себе, а также влажные ладошки, изучавшие его мышцы, которые приходилось тут же напрягать.

Следующие три месяца пролетели для Томаса, как три недели. Все дни были расписаны по минутам, за чем непреклонно следила Мария, не позволяя ему проявить слабость даже в самых невинных мелочах.

По несколько дней в неделю у них гостил дальний родственник, обучая Томаса стрельбе из арбалета. Ричард и Нильс тоже частенько навещали, делясь своим мастерством. Селянин каждый день объезжал своенравного Вектора, а также с утра до вечера ковал себе амуницию, плотно перекусывая при каждой возможности. Также он много времени проводил в фазе, где каждый раз прилетал на Арену и сражался на мечах и копьях с арогдорцами. Хотя юный воин находился в заведомо проигрышном положении, никто к турниру не готовился столь тщательно. Поэтому с каждым днем его близкие все больше и больше верили в успех.

Если мужчины занимались своим делом, то постройневшая Мария обитала сразу в нескольких мирах. Не считая желаний то внезапно вернуться в столицу, то навсегда остаться у природы, на первом месте для нее стояли отношения с Томасом. Затем были заботы по хозяйству, а между всем этим она умудрялась соответствовать парфагонской породе, делясь секретами с простыми селянками. Особенно рьяно этим интересовалась Лиза, соседская девчушка, которая буквально по пятам ходила за гостей. При этом Мария еще не знала, в каком наряде будет вызывать икоту у придворных стерв, но уже готовилась к светским схваткам на турнире.

В последний день Макс и Томас доковали турнирные доспехи. В отличие от обычной рыцарской защиты с панцирем и кольчугой, турнирная броня покрывала все тело латами и щитками. Чтобы изделия выглядели достойно, кузнецы добавили кружевные окантовки и вставки из зеркальной стали, а жена кузнеца сшила ярко-желтую накидку. Шлем с продольной пластиной на макушке имел выступающее вперед забрало, а по его бокам красовались стальные соколиные крылья. Меч имел ребристый черен для двух рук, вытянутую крестовину и длинный клинок с широким долом. Отдельным вопросом была конская броня. Дабы спасти драгоценное время, пришлось с помощью Нильса выкупить старый конский панцирь, наглавник и шейные пластины у одной вдовы.

И вот ранним утром, облачившись в обновку и попрощавшись с Ланками, нарядная парочка отправилась верхом в Парфагон. За ними долго бежали местные малыши во главе с растрепанной соседкой, чьи веснушки сияли от задорного смеха. Вечером того же дня моло-

дые люди прибыли к Северным воротам. Глядя на заросшую мхом стену и макушки башен за ней, Томас вспомнил свое первое знакомство с городом и осознал, насколько сильно по нему скучал. Стражи ворот узнали его и выдали временный пропуск как участнику турнира. Слух о его тайной подготовке где-то под Салепом гулял среди воинов, хотя никто всерьез не рассчитывал на успех храброго юнца.

Следующим утром Томас и Нильс явились на Арену, где проходил отбор претендентов. Песочная площадка имела овальную форму, и ее окружали деревянные трибуны для тысяч зрителей. По верхнему периметру шелестели на ветру огромные синие полотна с кольцами Парфагона. С южной стороны почти на одном уровне с площадкой был оборудован подиум с шатром для важных особ.

Как и ожидалось, пройти отбор оказалось несложно. Сначала мужчин собрали вместе и велели облачиться в доспехи. Затем их вооружили деревянными мечами и по одному толкали в компанию из четырех громадных офицеров, которые увесистыми дубинками проверяли удаль и смелость желающих. Кто-то пугался и уходил в глухую защиту, вскоре окунаясь в песок. А кто-то, как Томас и другие смельчаки, бросался в бой и успевал дать отпор до неминуемого поражения.

В итоге осталось с полсотни бойцов. Почти все рыцари или курсанты Академии. Из пришлых преуспели лишь Томас, шустрый парень в простенькой кольчужке да молодой брюнет с гордой осанкой и орлиным носом. Последний шиковал в броских черных доспехах с мелким орнаментом и кожаными вставками, а также в черной накидке из струящегося шелка. Больше всего поражал его жутковатый шлем с шипами и вытянутым вперед забралом с узкими прорезями. И хотя он представился сыном известного торговца из Нового Альберта, его дружно прозвали Черным рыцарем.

В этот же вечер за ужином Нильс дал Томасу последние наставления. Он был уверен, что некогда терпел поражения только потому, что мечтал о сокровищах, славе и женщинах. А надо было смотреть на соперников, думать только о своей подготовке, забыв о радостях жизни. Оказалось, один из его товарищей некогда с первого раза стал чемпионом, причем будучи курсантом. Получается, их затея не такая уж наивная, если не делать глупостей.

Толком не выспавшись, Томас привел в порядок свои вычурные доспехи, снарядил конскую броню Вектора и в сопровождении Доров отправился к Арене. Там, в затхлых сумерках под трибуной, уже разминали кости претенденты на титул. Отовсюду звучали скрежет металла и вздохи, а снаружи прорывался гул толпы.

Нацепив шлем с соколиными крыльями, Томас уселся на длинную лавку в ожидании своего выхода на первый тур. Рядом оказался тот самый Черный рыцарь. Селянин долго разглядывал мелкий орнамент на доспехах соседа:

– Дорого?

– Смотря для кого, – фыркнул незнакомец и опустил забрало своего жуткого шлема с шипами.

– Есть все-таки жизнь за стеной...

В это время торжественно загудели фанфары, знаменовавшие прибытие короля. И турнир начался с громкого клича судьи:

– Да здравствует король!

– Да здравствует Парфагон! – задрожали трибуны.

Спустя некоторое время воинов стали попарно вызывать наружу. Схватив арбалеты, те браво выбегали под дробь барабанов. Затем только один из них – как правило, весьма довольный – возвращался под шум аплодисментов. Томасу пришлось томиться в ожидании своей

очереди. Селянин долго витал в облаках, пока не вздрогнул от звука своего имени. Он быстро вскочил, озадаченно оглядываясь по сторонам. Схватив арбалет, он ринулся на залитую солнцем Арену, чуть не оглохнув от барабанов, которые встретили его за ширмой.

– Томас Юрг, округ Салеп, – торжественно объявил судья в ярко-красных колготках, куртке и широкополой шляпе с перьями. – Восемнадцать лет.

Пока зрители восхищались зеркальными доспехами и желтой накидкой, глаза Томаса наконец привыкли к яркому свету. Он обнаружил себя в центре площадки под прицелом тысяч глаз. Где-то в толпе он сначала расслышал, а потом разглядел своих близких. Синий шелк на платье Марии выигрышно облегал ее фигуру и переливался белым отблеском. Другие дамы тоже не терялись, отчего трибуны пестрили яркими красками.

Внезапно Томас обнаружил, что на трибуне нет Альберта Третьего и его свиты. Однако, услышав свист, быстро догадался, что все это время они любовались его задом. Обернувшись, он увидел на подиуме синий шатер, в котором теснилась группа людей. Они беседовали и иногда безучастно поглядывали на площадку, что была прямо перед их носом. У ближнего края возвышалось два широких кресла, на которых под плотной охраной восседали король и изящная девушка. Долговязая принцесса, облаченная в легкое белое платье, выглядела немного старше своих тринадцати лет. Ее длинные, ничем не покрытые светлые локоны развеивались от легких дуновений, обнажая жемчужное ожерелье. Ее бородатый и немного грузный отец, лет сорока на вид, был одет в коричневый камзол и такого же цвета плотные колготки. На ногах высокого брюнета красовались черные туфли с вытянутым носком, а на широком кожаном поясе сверкал позолоченный кинжал. Издали можно было разглядеть его добродушные серые глаза и легкую улыбку.

Взглянув на других высоких особ под шатром, селянин с удивлением осознал, что многих женщин он уже где-то видел. Размышляя над этой загадкой, Томас вдруг опомнился: где-то должен быть соперник! Громадный воин в сверкающих доспехах действительно все это время стоял поодаль и посмеивался.

Вскоре на их животы повесили красные мишени из трухлявого дерева, развели по разные стороны и выдали затупленные стрелы. Следовало первым поразить мишень соперника три раза. При этом запрещалось уклоняться от стрел – ведь состязание было на скорость, меткость и смелость, которые необходимы любому рыцарю.

И вот дребезжащая стрела с глухим толчком вонзилась в мишень на Томасе, вызвав возглас жаждущих крови трибун. Отрезвленный селянин только теперь вскинул арбалет, но обнаружил, что взял чужое оружие! И хотя первой стрелой он промахнулся, чуть не пробив забрало соперника, все следующие выстрелы он положил точно в цель за мгновение до того, как мог проиграть. Под одобрительные возгласы судья в красных колготках объявил победителя и отправил его обратно под трибу.

Вторую дуэль вооруженный уже своим арбалетом селянин легко выиграл спустя некоторое время. Затем, после длительного перерыва, турнир продолжился верховой схваткой на копьях. Томасу и снаряженному в броню Вектору в противники достался модник в обшитых синей тканью доспехах, облаченный в такую же накидку с гербом Парфагона. Под его седлом дергался глуповатый гнедой жеребец в избыточной броне, которого все время приходилось сдерживать.

Судья дал команду, зрители затаили дыхание, и воины под глухой топот помчались навстречу друг другу, выставив вперед копыя. Когда они поравнялись друг с другом, конь модника споткнулся. Наездник с треском сломал копьё селянина и под охи толпы эффектно скувырнулся на песок. Однако везение на этом закончилось. Хотя селянин одолел и следующего наездника в потертых доспехах, им пришлось жестко столкнуться несколько раз. Таким образом, отделавшись болезненными ушибами и парой сломанных ребер, Томас вышел в финальный тур с дуэлями на меч.

Ожидая поединка с огромным, как скала, действующим чемпионом, сморщенный от боли Томас с удивлением обнаружил, что Черный рыцарь не отстает. Они даже могли бы схлестнуться в финале, если одолеют своих соперников. Именно поэтому из шатра доносились проклятья, ведь едва ли не впервые чужаки зашли так далеко. Это был удар по репутации и Академии, и Парфагона, и короля лично.

Оказавшись наконец лицом к лицу с грозным соперником, Томас не испытывал никого волнения. Нильс поведал ему главную тайну турнирного боя на мечах, поэтому огромные размеры и разъяренность покрытого латами рыцаря казались большим подарком. Хотя чемпион был сильнее и наверняка лучше владел клинком, перед селянином стояла задача лишь выстоять первые атаки. Затем нужно было беспрерывно дергать соперника и мотать его по вязкому песку.

Как и ожидалось, массивный рыцарь начал бой с молниеносных и сокрушительных ударов, норовя раздавить юнца, как букашку. Только чудом Томас мог от них уклоняться. Раз за разом зрителям казалось, что селянину пришел конец, но постепенно атака выдохлась. Чемпион начал опускать меч все ниже, став до смешного легкой добычей. Под смех зрителей, сокрушив задыхающегося громилу звонким ударом по шлему, Томас осознал, что оказался всего в шаге от заветной цели. Его ноги едва не подкосились от такого озарения. Волнение усилилось еще больше, когда по пути на передышку он столкнулся с Черным рыцарем. Тот невозмутимо надевал свой угловатый шлем, не проявляя ни единой эмоции.

Пытаясь глубоко дышать, дрожащий Томас старался успокоиться. Боль испарилась, но его разум сковала мысль, что уже вскоре он сможет попросить самого короля о зачислении в Академию. Что тот скажет? Неужели все это не сон?

Неожиданно селянина почти сразу пригласили вернуться на площадку. Выяснилось, что каким-то невероятным образом Черный рыцарь уже одолел своего соперника, проткнув ему шею. Трибуны гудели, а в шатре бушевал бородач, понося всю свиту – наконец, умолкшую. Ни один действующий рыцарь не вышел в финал Королевского рыцарского турнира!

Пока медики спасали окровавленную жертву чужака, все еще измотанный Томас добрел до трибун. Там ему на шею бросилась Мария:

– С тобой же все в порядке? – смотрели на него влажные зеленые глаза. – Может, не надо? А?

– Эй, думай только о бое! Иди отсюда! – рыкнул хмурый Нильс, отталкивая Томаса.

– Хм, пытаюсь...

– Просто делай свое дело. Иди!

Тем временем поверженного бедолагу унесли в сторону. Судья, озираясь на шатер, с запинкой объявил финальную дуэль, пригласив соперников к центру Арены. Под фанфары Томас невольно бросил взгляд на взбешенного короля, все еще сотрясавшего воздух кулаками, и в этот же момент лезвие лязгнуло по его забралу. Едва увернувшись от второго удара, он решил снова утомить соперника. Однако перед ним мельтешил еще более легкий и выносливый смельчак, нежели он сам. Черные доспехи и накидка без устали мелькали в щелях забрала селянина то слева, то справа. Сын торговца наносил все больше точных ударов и заставлял без того ватные ноги Томаса окончательно увязать в песке.

Схватка усугубилась предчувствием скорого поражения – в голове опустошенного Томаса уже ничего другого не осталось. Полностью выдохшись, уже наугад кидая меч и ничего не видя перед собой, кроме солнечных вспышек, Томас внезапно взвыл от боли в пояснице. В глазах помутилось, время остановилось, и он непроизвольно обмяк, сдерживая тошноту. Упав на колени, он услышал пронзительный звон в крошечной тьме.

Через несколько мгновений трибуны взорвались криком, а где-то вдалеке Томас различил визг Марии. Опустившись на колени еще ниже, сквозь пелену он разглядел, как сквозь оцепление к нему пытались прорваться близкие. А напротив него возвышался Черный рыцарь,

обыденно вытирая платком окровавленный меч. Однако все это уже не имело значения: наивные мечты селянина сгорели дотла, а Ирэн так и будет в руках мутантов.

Очистив дол, Черный рыцарь убрал платок в карман под грудным щитом, и оттуда блеснуло лезвие. Это немного отрезвило Томаса, ведь прочее вооружение было строго запрещено во время дуэлей. Селянин сообразил, что никто и не мог увидеть этот кинжал в таком месте.

В это время медики все еще возились с предыдущей жертвой чужака, которая с хрипом прощалась с жизнью. По этой причине награждение началось прямо при истекавшем кровью Томасе. Однако молодой человек перестал чувствовать боль. Не отрывая глаз, он внимательно наблюдал за незнакомцем в черной броне.

Тем временем у победителя забрали меч и грубо потащили в сторону шатра. Как бы невзначай Томас привстал и тоже сделал несколько шагов в сторону подиума. Когда стражи раздраженно оглянулись на него, он снова упал на колени и закричал.

– Ваше величество, – поклонился победитель, снимая шлем и оголяя черные, как смоль, волосы и свой орлиный лик.

– Проклятье! – рявкнул Альберт. – Кто ты, твою мать?

– Сын простого торговца.

– Что?! Какого еще торговца? Забирай свое золото и убирайся к чертям собачьим!

– Но я хотел бы другую награду.

Королевский шатер ахнул, и судья объявил умолкшей толпе:

– Победитель отказался от ста золотых!

– Зажрались, торгоши! – снова рявкнул Альберт. – И что же тебе надо?

– Невинный поцелуй руки вашей изумительной дочери, – глядя в глаза королю, отчеканил незнакомец, отчего многотысячная Арена замерла. И только голубоглазая принцесса – самое светлое и заметное пятно во всей этой бессмысленной кутерьме – не повела и бровью. Она безучастно наблюдала за происходящим, словно все это вовсе не касалось ни ее, ни отца, ни вообще кого бы то ни было в этом бренном мире.

Поражаясь хитрости незнакомца, селянин теперь не сомневался, что Черный рыцарь замыслил покушение. Никто и не догадается, что он под предлогом поцелуя окажется рядом с королем и сделает свое грязное дело! Так или иначе, пока все были заняты происходящей интригой, селянин стал медленно подползать к подиуму, ощущая жар от прилившей к лицу крови. Он попытался предупредить подоспевших медиков, но мог лишь хрипеть да плевать кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.